B152
112
1.

Срок возврата
книги:

B152/112

В. ЗЕМЦЕВЪ

Остатки феодальнаго строя въ Прибалтійскомъ краѣ

I

ДВОРЯНСКІЯ ПРИВИЛЕГІИ ВЪ АГРАРНОМЪ ДѢЛѢ

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
196470

г. ЮРЬЕВЪ
Типографія Г. Цирка, Рыцарская 26
1916

Переводъ на другіе языки допускается только съ разрѣшенія автора.

251
24

Введеніе.

Какъ въ странахъ Западной Европы, такъ и въ Прибалтійскомъ краѣ въ средніе вѣка возникло и развивалось крѣпостное право, принимавшее здѣсь тѣмъ болѣе острыя формы, что оно основывалось на покореніи коренного населенія — латышей и эстовъ — германскими завоевателями. Крѣпостная зависимость сказалась прежде всего въ хозяйственныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами и выражалась въ обязанности послѣднихъ отбывать на помѣщичьихъ поляхъ барщинныя повинности и вносить подати натурою, причемъ размѣръ тѣхъ и другихъ зависѣлъ отъ усмотрѣнія помѣщика. Затѣмъ власть послѣдняго распространялась также на имущество и на личность крестьянъ. Для того, чтобы крестьяне бѣгствомъ изъ имѣній не уклонялись отъ исполненія барщинныхъ повинностей, они были прикрѣплены къ землѣ (имѣніямъ) — glebae adscriptio — и сдѣлались лично несвободными. Помѣщикъ былъ вправѣ продавать или дарить крѣпостныхъ крестьянъ, подвергать ихъ наказаніямъ и даже лишить жизни (jus vitae et necis). Онъ имѣлъ также право отобрать у крестьянина благопріобрѣтенное его имущество.

Эти суровыя формы крѣпостной зависимости были въ Лифляндіи отчасти отмѣнены, отчасти смягчены во второй половинѣ 17 столѣтія шведскимъ правительствомъ, оберегавшимъ личность крестьянина отъ произвола помѣщика и урегулировавшаго хозяйственныя отношенія между ними путемъ нормировки барщинныхъ повинностей и податей, размѣръ которыхъ былъ согласованъ съ доходностью предоставленныхъ крестьянамъ земельныхъ участковъ. Однако послѣ присоединенія Лифляндіи въ 1710 г. къ Россіи, крѣпостное право возникло вновь и проявлялось въ весьма суровыхъ формахъ.

Крѣпостная зависимость, вновь развившаяся въ Лифляндіи въ 18 столѣтіи, отличалась всѣми существенными признаками рабства, обусловливая собою несвободу крестьянъ въ правовомъ отношеніи — *полное отрицаніе ихъ правъ личности.* Не владѣя никакими личными правами, крестьяне сами являлись какъ бы вещью, находящеюся въ распоряженіи ихъ господина, который отчуждалъ ихъ или вмѣстѣ съ семьею или отдѣльно отъ нея. Не говоря о безчеловѣчныхъ наказаніяхъ, также и жизнь крестьянъ зависѣла отъ ихъ господина. Та-же зависимость въ имущественномъ отношеніи: благопріобрѣтенное имущество крестьянина безпрепятственно отбиралось помѣщикомъ, въ глазахъ котораго и самъ крестьянинъ являлся объектомъ обмѣна. Помѣщикъ обременялъ крестьянъ барщинными работами и повинностами и присоединялъ по своему усмотрѣнію къ своимъ полямъ земельные участки крестьянъ.

Во второй половинѣ и въ концѣ 18 столѣтія лифляндскимъ дворянствомъ, по требованію русскаго правительства, были предприняты попытки реформъ, имѣвшія цѣлью смягченіе крѣпостного права, но эти попытки не привели къ сколько нибудь осязательнымъ результатамъ, и лишь въ началѣ 19 столѣтія правительствомъ были приняты рѣшительныя мѣры изданіемъ крестьянскаго Положенія 1804 г. и дополнительныхъ къ нему статей 1809 г. Этимъ Положеніемъ, возстановившимъ личныя и имущественныя права крестьянъ, крѣпостное право въ Лифляндіи было отмѣнено; были уничтожены всѣ существенные признаки, характеризующіе крѣпостную зависимость въ смыслѣ рабства, и были созданы помѣщичье - крестьянскія отношенія, извѣстныя въ 18 столѣтіи въ нѣкоторыхъ странахъ Средней Европы подъ названіемъ наслѣдственной зависимости, отличительными признаками которой являются: прикрѣпленіе крестьянъ къ имѣніямъ (отсутствіе права передвиженія), барщинныя работы и натуральныя подати, точно опредѣленныя (нормированныя) земельными описями. Въ Лифляндіи кромѣ того было создано прочное право крестьянъ на землю вслѣдсвіе

признанія за ними права на *наслѣдственное* владѣніе предоставленными имъ поземельными участками, которые притомъ не могли быть присоединяемы къ мызнымъ полямъ по усмотрѣнію помѣщика.

Затѣмъ въ концѣ второго десятилѣтія 19 вѣка въ прибалтійскихъ губерніяхъ — Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи — отмѣняется прикрѣпленіе крестьянъ къ имѣніямъ, т. е. имъ *даруется личная свобода*, но эта мѣра проводится прибалтійскимъ дворянствомъ въ связи съ другою, крайне вредною для крестьянъ мѣрою: крестьянская земля объявляется полною собственностью помѣщиковъ и крестьяне, получивъ личную свободу, оказываются *безъ земли*. Вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщичье-крестьянскія отношенія основываются на новомъ, весьма выгодномъ для помѣщиковъ началѣ — принципѣ *свободнаго договора*, въ силу котораго крестьянскіе участки сдаются помѣщикомъ въ арендное содержаніе крестьянамъ и впослѣдствіи продаются на основаніи *добровольныхъ соглашеній* между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Но такъ какъ вся экономическая сила находится на сторонѣ помѣщика, то эта новая форма аграрнаго строя приводитъ къ *экономической зависимости крестьянъ*, весьма сильной въ особенности при арендныхъ отношеніяхъ, при которыхъ опредѣленіе арендной платы зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнія помѣщика.

Какъ бы то ни было, въ началѣ и въ первой четверти 19 столѣтія въ сферѣ *аграрныхъ отношеній* принимаются извѣстныя мѣры, имѣвшія цѣлью освобожденіе крестьянина изъ-подъ власти помѣщика. Но зато во всѣхъ другихъ сферахъ мѣстной жизни власть дворянъ-помѣщиковъ остается неприкосновенной и проявляется всецѣло какъ въ *судѣ, административныхъ и полицейскихъ учрежденіяхъ и завѣдываніи общественными дѣлами, такъ и въ организаціи евангелическо-лютеранской церкви и народнаго образованія*. Не было такой области матеріальной или духовной жизни крестьянскаго населенія, гдѣ бы оно не чувствовало всего гнета помѣстнаго дворянства, олицетворявшаго собою и власть и экономиче-

ское могущество. Такое положеніе дѣла было подтверждено въ 1845 г. изданіемъ Свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ (jus provinciale), представляющаго собою кодификацію дѣйствовавшихъ нормъ, основанныхъ на разнообразныхъ и многочисленныхъ источникахъ — актахъ польскихъ и шведскихъ королей и курляндскихъ герцоговъ, аккордныхъ условіяхъ 1710 г., обычномъ правѣ и т. д. и т. д. (Кстати, одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ дворянскихъ привилегій — такъ наз. Privilegium Sigismundi Augusti 1561 г. — неоднократно возбужалъ сомнѣнія въ своей подлинности и поэтому не былъ утвержденъ шведскимъ правительствомъ).

Около средины и во второй половинѣ 19 столѣтія происходятъ дальнѣйшія измѣненія въ аграрныхъ отношеніяхъ, въ особенности съ переходомъ крестьянскихъ участковъ въ собственность крестьянъ; развивается также крестьянское общественное самоуправленіе, начало которому было положено при дарованіи крестьянамъ личной свободы. Въ 1866 г. крестьянское самоуправленіе освобождается отъ опеки помѣщика и получаетъ свое теперешнее (волостное) устройство.

Въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія власти нѣмецкаго дворянства наносится сильный ударъ *реформою суда, полиціи и крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ;* de facto дворянство теряетъ свое значеніе также въ завѣдываніи *народною школою.* Но реформа строя мѣстной жизни не была доведена до конца, и еще въ настоящее время *завѣдываніе общественнымъ хозяйствомъ* находится въ рукахъ нѣмецкаго дворянства, оказызающаго преобладающее вліяніе также на *евангелическо-лютеранскую церковь* благодаря особенному строю ея.

Но и въ *аграрномъ дѣлѣ* помѣстное дворянство пользуется еще правами и преимуществами, сохранившимися отъ средне-вѣкового феодальнаго строя. Наряду со старинною организаціею мѣстныхъ дворянскихъ обществъ, завѣдывающихъ общественнымъ (земскимъ) хозяйствомъ и подчинившихъ себѣ евангелическо-лютеранскую церковь, — помѣ-

щичьи привилегіи въ сферѣ аграрныхъ отношеній являются живыми свидѣтелями старины — былого величія прибалтійскаго нѣмецкаго дворянства, самою жизнью осужденными на исчезновеніе, но всѣми силами борющимися за свое существованіе и за господство.

Показать значеніе для мѣстной жизни этихъ пережитковъ старины, ихъ борьбу за существованіе и необходимость ихъ окончательнаго устраненія — является цѣлью предлагаемой здѣсь работы. Ограничиваясь въ настоящемъ очеркѣ лишь изложеніемъ дворянскихъ привилегій въ аграрномъ дѣлѣ и стараясь дать общую картину, не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе отдѣльныхъ вопросовъ, я остановился преимущественно на Лифляндской губерніи какъ наиболѣе типичной, касаясь лишь нѣкоторыхъ болѣе важныхъ отличительныхъ чертъ аграрныхъ отношеній въ Курляндской и Эстляндской губерніяхъ.

Май 1916 г. *В. Земцевъ (Ф. Гарайсъ).*

1. Дѣленіе земли частныхъ имѣній на категоріи.

Дворянскія, или вѣрнѣе помѣщичьи привилегіи въ аграрномъ дѣлѣ находятся въ тѣсной связи съ дѣленіемъ земли частныхъ имѣній на *мызную* и *крестьянскую*. Въ Лифляндской губерніи мызная земля въ свою очередь дѣлится на двѣ категоріи: мызную неподатную землю и мызную податную или квоту; въ Эстляндской губерніи и на островѣ Эзелѣ квотѣ соотвѣтствуетъ шестидольная земля, въ Курляндской же губерніи имѣется лишь мызная и крестьянская земля.

Чѣмъ объясняется такое дѣленіе земли частныхъ имѣній на нѣсколько разрядовъ или категорій?

Выяснимъ себѣ этотъ вопросъ на примѣрѣ Лифляндіи. Здѣсь крестьянская земля, т. е. земля, находившаяся въ пользованіи крестьянъ, издавна была раздѣлена на отдѣльныя сельско-хозяйственныя единицы — крестьянскіе участки или дворы (усадьбы), предоставленные крестьянамъ - дворохозяевамъ, которые при помощи содержимыхъ ими работниковъ отбывали на мызныхъ поляхъ барщинныя работы и вносили помѣщику натуральныя подати, состоявшія въ произведеніяхъ крестьянскаго хозяйства. Крестьяне кромѣ того исполняли всѣ лежавшія на имѣніи натуральныя общественныя повинности, въ виду чего сложилось представленіе, что общественными повинностями обременена одна крестьянская земля, мызная же земля свободна отъ нихъ, и это представленіе, въ сущности неправильное, получило впослѣдствіи санкцію закона, признавшаго мызную землю неподатною — свободною отъ публичныхъ повинностей, крестьянскую же землю податною, обязанною къ отбыванію ихъ.

Раздѣленіе законодательнымъ порядкомъ земли частныхъ имѣній на категоріи произошло слѣдующимъ образомъ.

Въ началѣ 19 столѣтія, изданіемъ крестьянскаго Положенія 1804 г. и дополнительныхъ къ нему статей 1809 г., русскимъ правительствомъ были приняты весьма серьезныя защитительныя мѣры въ пользу крестьянскаго землевладѣнія. Крестьянская земля была отграничена отъ мызной и помѣщикъ не имѣлъ права присоединить крестьянскую землю къ мызнымъ полямъ по своему усмотрѣнію. Онъ могъ присоединить ее лишь для дополненія законнаго мызнаго высѣва, находившагося въ опредѣленномъ соотношеніи къ оцѣночной стоимости крестьянской земли; притомъ присоединеніе крестьянскихъ участковъ было обставлено разными формальными требованіями и допускалось лишь въ томъ случаѣ, когда у помѣщика не имѣлось годныхъ для земледѣлія *мызныхъ* земель, насчетъ коихъ можно было увеличить мызныя поля до установленнаго законнаго размѣра. Кадастромъ, произведеннымъ межевою ревизіонною комиссіею въ теченіе времени съ 1809—1823 г., крестьянскіе поземельные участки были оцѣнены на основаніяхъ шведской системы земельной оцѣнки и соотвѣтственно оцѣнкѣ были точно опредѣлены (*нормированы*) барщинныя повинности и подати крестьянъ въ пользу помѣщика; послѣднимъ онѣ не могли быть повышаемы по своему усмотрѣнію. Какъ оцѣнка крестьянскихъ участковъ, такъ и лежащія на нихъ повинности и подати въ натурѣ были занесены въ земельныя описи — т. наз. вакенбухи, получившіе публично-правовое значеніе въ помѣщичье-крестьянскихъ отношеніяхъ. За дворохозяевами — владѣльцами крестьянскихъ участковъ — было обезпечено прочное право владѣнія, такъ какъ они закономъ 1804 г. были объявлены *наслѣдственными* владѣльцами своихъ участковъ и могли быть удалены изъ нихъ лишь по судебному приговору. Такимъ образомъ крестьянскимъ Положеніемъ 1804 г. были установлены слѣдующія мѣры въ пользу крестьянскаго землевладѣнія:

1) неприкосновенность крестьянской земли;
2) право крестьянъ-хозяевъ на наслѣдственное владѣніе ихъ участками;
3) нормировка барщинныхъ повинностей и податей.

Въ виду этого крестьянское землевладѣніе весьма близко подходило къ крестьянской поземельной собственности: для перехода къ послѣдней слѣдовало лишь замѣнить нормированную барщину (работныя повинности и подати въ натурѣ) соотвѣтствующими ихъ стоимости денежными взносами (денежною арендою) съ правомъ прекращенія ежегодныхъ взносовъ путемъ уплаты соотвѣтственнаго капитала (выкупъ). Однако лифляндское дворянство, вмѣсто того, чтобы идти этимъ единственно правильнымъ путемъ дальнѣйшаго развитія помѣщичье-крестьянскихъ отношеній и дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ, поступило какъ разъ наоборотъ. Оно осталось недовольнымъ проведенными въ 1804 году мѣрами; ему не нравилась нормировка крестьянскихъ повинностей и признаніе за крестьянами права наслѣдственнаго владѣнія ихъ дворами, обозначавшее ограниченіе права собственности помѣщиковъ на крестьянскую землю. Дворянству и удалось возстановить свое право собственности на означенную землю въ 1819 г., вмѣстѣ съ дарованіемъ крестьянамъ личной свободы. Это оказалось возможнымъ потому, что послѣ изданія законодательныхъ актовъ 1804 и 1809 гг. составленіе аграрныхъ проектовъ правительство предоставляло мѣстнымъ дворянствамъ прибалтійскихъ губерній.

Даруя крестьянамъ личную свободу, другими словами — отмѣняя прикрѣпленіе ихъ къ землѣ (имѣніямъ), лифляндское нѣмецкое дворянство, вознаграждая себя за эту уступку, отмѣнило какъ право крестьянъ-хозяевъ на наслѣдственное владѣніе ихъ участками, такъ и обязательную силу вакенбуховъ какъ регулятива крестьянскихъ повинностей. Хозяева — наслѣдственные владѣльцы крестьянскихъ участковъ — закономъ 1819 г. были низведены на положеніе временныхъ арендаторовъ; нормированная же барщина была замѣнена ненормированными арендными повинностями, основанными на такъ наз. *свободномъ договорѣ* или *добровольныхъ соглашеніяхъ* между помѣщикомъ и крестьянами-арендаторами. И хотя установленная Положеніемъ 1804 г. неприкосновен-

ность крестьянской земли была сохранена Положеніемъ 1819 г., но фактически и она была уничтожена помѣщиками, произвольно присоединявшими крестьянскую землю къ мызнымъ полямъ, расширившимъ и округлившимъ такимъ образомъ свою сельскохозяйственную площадь и сосредоточившимъ лучшую землю въ своихъ рукахъ.

Однако отмѣна установленныхъ въ 1804 г. защитительныхъ мѣръ въ пользу крестьянскаго землевладѣнія имѣла крайне невыгодныя послѣдствія для крестьянъ. Рядомъ факторовъ, среди которыхъ видную, можетъ быть главную роль сыгралъ свободный договоръ, было обусловлено обѣднѣніе и чрезвычайно печальное положеніе крестьянъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Послѣдствіемъ отмѣны обязательной силы вакенбуховъ и наслѣдственнаго права крестьянъ на ихъ участки была полная экономическая зависимость крестьянъ-хозяевъ отъ помѣщика. Такой зависимости содѣйствовали также отдѣльныя весьма невыгодныя для арендаторовъ постановленія закона 1819 г., касавшіяся арендныхъ отношеній, между прочимъ право помѣщика заключать краткосрочные арендные контракты — на одинъ годъ или на нѣсколько лѣтъ.

Невыносимое положеніе крестьянъ, обремененныхъ чрезмѣрными повинностями и постигнутыхъ неурожаемъ и голодомъ, привело въ началѣ и половинѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія къ замѣшательствамъ на аграрной почвѣ, выразившимся въ стремленіи крестьянъ къ православію и переселенію во внутреннія губерніи, и хотя эти попытки крестьянъ освободиться отъ гнета помѣщиковъ были подавлены въ 1841 г. арестами и истязаніями и кровавой расправой при Беверсгофѣ, но движеніе возникло вновь въ 1845 г. Обѣднѣніе крестьянъ и возможность полной пролетаризаціи всего крестьянскаго населенія побудили нѣмецкое дворянство приступить къ разработкѣ проектовъ аграрной реформы, съ цѣлью создать и укрѣпить верхній слой крестьянскаго населенія — классъ дворохозяевъ, долженствовавшій служить для дворянства опорою при отстаиваніи своего положенія и

своихъ интересовъ. Обсужденіе проектовъ и предложеній по аграрной реформѣ, продолжавшееся съ 1841 г. по 1848 г. въ дворянскихъ комиссіяхъ, на лифляндскомъ ландтагѣ и въ Остзейскомъ комитетѣ, завершилось изданіемъ крестьянскаго Положенія 1849 г., которымъ земли частныхъ имѣній (дворянскихъ вотчинъ,пасторатовъ и патримоніалныхъ имѣній) были раздѣлены на 3 разряда вмѣсто прежнихъ двухъ.

Регулированіемъ, произведеннымъ межевою ревизіонною комиссіею на основаніи крестьянскаго Положенія 1804 г. и дополнительныхъ статей 1809 г., были опредѣлены размѣры мызной и крестьянской земли каждаго имѣнія. Изъ состава крестьянской земли въ силу крестьянскаго Положенія 1849 г. опредѣленная доля присоединяется къ мызной землѣ. Эта доля, извѣстная подъ названіемъ квоты, составляла въ общей сложности больше $^1/_5$ части крестьянской земли прежняго состава, причемъ она образовалась изъ той части крестьянской земли, которая была присоединена къ мызнымъ полямъ въ теченіе времени съ 1819—1846 г., и дополнялась до установленныхъ для нея размѣровъ неприсоединенною крестьянскою землею.

Такимъ образомъ мызная земля каждаго помѣстья дѣлится на двѣ части — прежнюю мызную землю и квоту, оставшаяся же крестьянская земля получила названіе повинностной земли.

Въ отношеніи же къ исправленію публичныхъ повинностей (починка дорогъ, подводная повинность и т. д.) принадлежащія къ каждому помѣстью земли раздѣлены на неподатныя и податныя. Неподатною землею является прежняя мызная земля, хотя бы она была пріобрѣтена въ собственность или въ временное пользованіе членами крестьянскихъ волостныхъ обществъ, податною же — квота и повинностная земля, хотя бы онѣ поступили въ собственность или временное владѣніе лицъ неподатнаго званія.

Въ виду этого получается слѣдующее раздѣленіе земель каждаго помѣстья:

А. Мызная земля
   а) мызная неподатная земля
   б) мызная податная земля или квота.

Б. Повинностная земля (податная)

Повинностная земля каждаго имѣнія должна быть отдѣлена на планахъ и въ натурѣ отъ мызныхъ земель — податной и неподатной — межевою линіею, которая на планахъ обозначалась красными чернилами и поэтому обыкновенно называется «красною чертою».

На материковой части Лифляндской губерніи мызная и крестьянская земля распредѣляется слѣдующимъ образомъ (по даннымъ 1905 и 1907 г.г.), въ десятинахъ общаго пространства :

	Мызная земля непод.	Мызная земля квота	Крест. земля	всего
Дворянскія вотчины	1.669.376	256.318	1.233.344	3.159.038
пасторaты	23.453	3.074	23.138	49.665
патримоніальныя имѣнія	43.177	2.994	7.980	54.151
Итого	1.736.006	262.386	1.264.462	3.262.854
Казенныя имущества	Мызныя и обществ. земли и лѣса 272.200		264.260	536.460
Всего	2.270.592		1.528.722	3.799.314

Крестьянское Положеніе 1849 г. было замѣнено дѣйствующимъ нынѣ Положеніемъ 1860 г., являющимся нѣсколько дополненнымъ вторымъ изданіемъ Положенія 1849 г., сохранившимъ въ силѣ также раздѣленіе земли частныхъ имѣній на вышеозначенныя три категоріи.

Итакъ, возведенный правительствомъ въ 1804 г. твердый фундаментъ для дальнѣйшаго урегулированія и окончательной ликвидаціи помѣщичье-крестьянскихъ отношеній былъ подтаченъ лифляндскимъ дворянствомъ въ 1819 г., и дальнѣйшій ходъ лифляндскаго аграрнаго законодательства, проведеннаго нѣмецкимъ дворянствомъ, представляетъ собою рядъ попытокъ

дворянства внести улучшенія въ созданныя имъ же въ 1819 г. аграрныя отношенія, причемъ однако дворянство не нашло въ себѣ силы для того, чтобы вернуться вполнѣ къ принципамъ крестьянскаго Положенія 1804 г., а довольствовалось полумѣрами, предпринятыми въ цѣляхъ самосохраненія.

Цѣлью составленныхъ лифляндскимъ дворянствомъ крестьянскихъ Положеній 1849 и 1860 г.г. было созданіе соціальнаго строя, обезпечивающаго матеріальные интересы помѣщиковъ и оберегающаго, насколько возможно, ихъ соціально-политическое значеніе въ краѣ. Эта цѣль проходитъ красною нитью черезъ аграрный законъ; она видна какъ въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ проводятся болѣе или менѣе благопріятныя для крестьянскаго населенія мѣропріятія, такъ и въ тѣхъ, гдѣ противъ одной части его (бобылей) принимаются весьма суровыя мѣры. Ею же объясняется двойственность въ характерѣ лифляндскаго аграрнаго закона, являющаяся прямымъ послѣдствіемъ поставленной себѣ дворянствомъ цѣли. Иначе и не могло быть, потому что эта цѣль по своему существу заключала въ себѣ извѣстное противорѣчіе. Въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія лифляндское дворянство увидѣло себя вынужденнымъ улучшить положеніе верхняго слоя крестьянскаго населенія — класса дворохозяевъ, долженствовавшихъ служить ему опорою при защитѣ своего господствующаго положенія. При осуществленіи этой задачи — созданіи привилегированнаго класса крестьянскаго населенія по сравненію съ обездоленными народными массами — необходимо было поступиться частью своихъ непосредственныхъ интересовъ, но съ другой стороны нужно было отстаивать эти интересы. Отсюда нерѣшительность и половинчатость мѣръ, предпринятыхъ въ пользу дворохозяевъ — арендаторовъ и собственниковъ повинностной земли.

Стремясь создать категорію земли, предоставляемой въ неотъемлемое пользованіе членовъ крестьянскихъ волостныхъ обществъ, дворянство въ тоже время уменьшаетъ ея размѣры, присоединяя значительную часть крестьянской земли къ мызнымъ полямъ въ качествѣ квоты, затемняя притомъ истинное

назначеніе послѣдней. Эта мѣра, увеличивая запасъ земли, находящейся въ свободномъ распоряженіи владѣльцевъ дворянскихъ вотчинъ, содѣйствовала увеличенію матеріальнаго благосостоянія дворянства, расширяла его непосредственное вліяніе на крестьянское населеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ она нанесла послѣднему сильный ударъ, въ особенности классу дворохозяевъ, обезпеченіе благосостоянія котораго, по мысли самого дворянства, должно было быть его главною задачей.

Особою категоріею земли, предоставляемой въ неотъемлемое пользованіе членовъ крестьянскихъ волостныхъ обществъ, должна была быть *повинностная земля*, но мысль о такомъ назначеніи ея разстраивалась постановленіями самаго крестьянскаго Положенія.

Съ одной стороны, крестьянскимъ Положеніемъ торжественно провозглашается, что «помѣщикъ не властенъ, ни въ какомъ случаѣ и ни по какому бы то ни было поводу, ни посредственно, ни непосредственно, пользоваться повинностною землею иначе, какъ посредствомъ отдачи оной въ арендное содержаніе или продажи членамъ крестьянскихъ волостныхъ обществъ".[1]) Указывается также мотивъ провозглашенія этого принципа, именно, чтобы арендаторы вслѣдствіе постепеннаго изъятія поземельныхъ участковъ изъ арендnаго содержанія крестьянъ, не были вынуждены, „для пріисканія необходимыхъ способовъ пропитанія покоряться, ко вреду своему, чрезмѣрнымъ требованіямъ землевладѣльцевъ".[2])

Но съ другой стороны аграрный законъ сохраняетъ въ силѣ принципъ свободнаго договора, предоставляя при сдачѣ въ аренду земельныхъ участковъ опредѣленіе мѣры аренд-

[1]) § 126 кр. Положенія 1849 г. и ст. 3 и 101 Полож. 1860 г.

Это ограниченіе права помѣщика свободно располагать повинностною землею относится только къ отдѣльнымъ поземельнымъ участкамъ, между тѣмъ какъ повинностною землею въ ея цѣломъ, входящею въ составъ имѣнія, онъ можетъ свободно распоряжаться, отчуждая, завѣщая, закладывая ее наравнѣ съ мызною землею, вмѣстѣ съ нею или отдѣльно отъ нея.

[2]) Ст. 3 Положенія 1860 г. и § 3 Положенія 1849 г.

ныхъ повинностей «обоюдному вольному соглашенію арендатора и отдатчика».[1])

Примѣненіе принципа свободнаго договора къ идеѣ о категоріи земли, предоставляемой въ неотъемлемое пользованіе крестьянъ, страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, при сохраненіи свободнаго договора нельзя лишить помѣщика права предъявить такія арендныя требованія, на которыя ни одинъ членъ крестьянскаго волостного общества не можетъ согласиться. Въ такомъ случаѣ крестьянскій поземельный участокъ долженъ остаться не сданнымъ въ аренду и фактически изъемлется изъ пользованія членовъ крестьянскаго волостного общества. Но этимъ разстраивается самая идея о крестьянской землѣ, предоставляемой въ неотъемлемое пользованіе членовъ волостныхъ обществъ. Это ясно видно на примѣрѣ крестьянскихъ Положеній 1849 и 1860 г. г.

Въ полномъ противорѣчіи съ торжественною декларацією о томъ, что помѣщикъ не властенъ, ни въ какомъ случаѣ и ни по какому бы то ни было поводу, ни посредственно, ни непосредственно, пользоваться повинностною землею иначе, какъ посредствомъ отдачи оной въ арендное содержаніе или продажи членамъ крестьянскихъ волостныхъ обществъ, крестьянское Положеніе предоставляетъ помѣщику право, при наличіи извѣстныхъ условій и въ теченіе опредѣленныхъ сроковъ, пользоваться участками повинностной земли непосредственно и даже оставлять ихъ необработанными. Именно, „если какая-либо часть повинностной земли осталась незаарендованною по неизъявленію тѣмъ или другимъ членомъ волостного общества согласія пользоваться оною на предложенныхъ помѣщикомъ условіяхъ“, то послѣдній получаетъ право «непосредственно завѣдывать, въ продолженіе первыхъ 6 лѣтъ, незаарендованною повинностною землею, но безъ присоединенія оной къ мызнымъ полямъ».[2])

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

[1]) § 1 кр. Положенія 1849 г. и ст. 1 Полож. 1860 г.

[2]) § 131 крестьянскаго Положенія 1849 г. и ст. 106 Положенія 1860 г.

Это постановленіе въ высшей степени характерно. Въ немъ мы находимъ ясное указаніе на то, что слѣдуетъ понимать подъ пресловутымъ принципомъ свободнаго договора. Свободный договоръ, по признанію самого лифляндскаго дворянства, составившаго проектъ крестьянскаго Положенія, сводится къ тому, что помѣщикъ предлагаетъ условія, а арендатору предоставляется изъявить или не изъявить свое согласіе на эти условія.

Въ виду этого, если помѣщикъ пожелалъ непосредственно пользоваться какими либо участками (усадьбами) повинностной земли, то онъ имѣлъ на то полное право: ему слѣдовало только предъявить такія арендныя условія, на которыя ни одинъ членъ волостного общества не могъ согласиться, и участокъ повинностной земли поступалъ въ его непосредственное пользованіе.

Такимъ образомъ декларація крестьянскаго Положенія о предоставленіи повинностной земли исключительно членамъ крестьянскаго волостного общества является лишь общимъ принципомъ, фактически отмѣняемымъ послѣдующими постановленіями того же закона.

Если въ теченіе вышеозначенныхъ 6 лѣтъ, когда помѣщикъ пользовался лично крестьянскимъ участкомъ, не нашлось арендатора (т. е. лица, согласившагося на предложенныя помѣщикомъ условія), то непосредственное пользованіе участкомъ со стороны помѣщика прекращалось и участокъ остался необработаннымъ.

Если изъ текста крестьянскаго Положенія 1849 г. можно заключить, что поземельный участокъ повинностной земли могъ остаться необработаннымъ лишь въ теченіе 6 лѣтъ, то крестьянскимъ Положеніемъ 1860 года никакого срока не установлено и помѣщикъ вправѣ оставить поземельный участокъ необработаннымъ впредь до пріисканія арендnаго хозяина, который „заарендовалъ бы порожній участокъ по добровольному на то соглашенію съ помѣщикомъ“[1]). *Другими словами, послѣдній былъ вправѣ оставить поземельный уча-*

[1]) Ст. 107 Положенія 1860 г.

стокъ необработаннымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не пожелалъ сдать таковой въ аренду на условіяхъ, пріемлемыхъ для членовъ крестьянскаго волостного общества.

Пользовавшись крестьянскимъ участкомъ лично въ теченіе 6 лѣтъ и сдавъ затѣмъ участокъ въ арендное содержаніе на такое же число лѣтъ, помѣщикъ въ силу кр. Положенія 1860 г. вправѣ *вторично* пользоваться участкомъ лично въ теченіе 6 лѣтъ.[1]) Прекращается ли послѣ этого навсегда право помѣщика пользоваться такимъ участкомъ непосредственно или же это право можетъ повторяться, изъ кр. Положенія 1860 г. не видно. Равнымъ образомъ неясно, имѣетъ ли помѣщикъ право послѣ вторичнаго непосредственнаго пользованія участкомъ оставить таковой необработаннымъ. Удивительно, что по такому существенному вопросу кр. Положеніе страдаетъ такою неопредѣленностью.[2]) Въ дѣйствительности мы видимъ, что еще въ настоящее время помѣщики пользуются лично крестьянскими участками повинностной земли, притомъ во многихъ случаяхъ не только въ теченіе 6 лѣтъ, но гораздо дольше, что уже прямо противорѣчить постановленіямъ кр. Положенія. И этого нельзя объяснить невозможностью для помѣщиковъ сдать крестьянскіе участки въ аренду: при существующей конкуренціи арендаторы соглашаются на обременительныя условія, предлагаемыя помѣщикомъ, случаи же, гдѣ они не соглашаются, весьма рѣдки.

Право помѣщика пользоваться участками повинностной земли непосредственно или оставлять ихъ необработанными имѣетъ серьезныя экономическія послѣдствія. Отъ этого уменьшается общее число арендныхъ участковъ и увеличи-

---

[1]) Ст. 110 кр. Полож. 1860 г.

[2]) Лифляндское Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе ссылаясь на ст. 106—110 кр. Положенія 1860 г., очевидно полагаетъ, что и въ настоящее время помѣщикъ вправѣ, при наличіи извѣстныхъ условій и съ соблюденіемъ установленныхъ сроковъ, пользоваться поземельными участками повинностной земли лично или оставлять таковые необработанными (ср. объявленіе въ № 15 Лифляндскихъ Губ. Вѣд. 10 февраля 1893 г.)

вается число лицъ, желающихъ арендовать земельные участки, что даетъ помѣщику возможность повышать арендную плату.

Предоставляя помѣщику право пользоваться участками повинностной земли непосредственно, крестьянское Положеніе старается обосновывать это право благовидными мотивами: нужно-де предохранять помѣщика, въ случаѣ незаарендованія имъ крестьянскаго участка, отъ безотлагательныхъ убытковъ и не лишить его возможности улучшить арендную усадьбу, въ отношеніи къ хозяйственнымъ строеніямъ, къ воздѣлыванію почвы и къ усадебному инвентарю[1]).

Но развѣ этихъ улучшеній нельзя было достигнуть, сдавая усадьбу въ аренду? И почему понадобилось предоставить помѣщику право вторично пользоваться непосредственно участками повинностной земли? Нельзя же было предполагать, что окажется недостатокъ въ арендаторахъ, если только помѣщикъ предъявитъ требованія, на которыя арендаторъ можетъ согласиться.

Итакъ, идея о крестьянской землѣ, предоставляемой въ неотъемлемое пользованіе членовъ крестьянскаго волостного общества, разстраивается принципомъ свободнаго договора. Но не только этимъ принципомъ. Она разстраивается еще тѣмъ, что помѣщикъ можетъ сдавать участки повинностной земли въ аренду или продавать не только крестьянамъ—членамъ волостного общества, но и постороннимъ лицамъ, въ другихъ мѣстахъ приписаннымъ или пользующимся иными личными правами, но вступающимъ „на сей конецъ“, т. е. ради аренды или покупки поземельныхъ участковъ, въ составъ мѣстнаго волостного общества.[2]) Арендуя или пріобрѣтая въ собственность участки повинностной земли, такія лица eo ipso становятся членами крестьянскаго волостного общества, даже противъ воли послѣд-

---

[1]) § 131 кр. Положенія 1849 г. и ст. 106 Полож. 1860 г.

[2]) §§ 72, 137 и 251 крестьянскаго Положенія 1849 г.; ст. 55 112, 219 и 234 Положенія 1860 г. Положеніе о волостномъ общественномъ управленіи въ Остзейскихъ губерніяхъ (II П. С. З., № 43034) § I, примѣч.

няго, не теряя притомъ своихъ личныхъ правъ состоянія. Такимъ образомъ участки повинностной земли могутъ быть изъяты изъ пользованія „членовъ крестьянскаго волостного общества“ въ собственномъ смыслѣ этого слова и переданы постороннимъ лицамъ. И если такое право помѣщика, проведенное очевидно въ цѣляхъ усиленія конкуренціи и повышенія арендной платы и покупныхъ цѣнъ за крестьянскіе участки, на практикѣ не примѣнялось въ широкихъ размѣрахъ[1]), то это объясняется отчасти тѣмъ, что означенныя посторонніе лица, вступающія въ составъ крестьянскаго волостного общества, хотя и не теряютъ своихъ личныхъ правъ, но подлежатъ всѣмъ постановленіямъ волостного устава[2]), т. е. должны принять на себя всѣ обязанности членовъ крестьянскаго волостного общества, въ томъ числѣ и обязанность занимать выборныя должности по крестьянскому самоуправленію (волостного старшины, его помощника, волостного судьи, магазиннаго смотрителя и т. д.).

Въ вышеуказанныхъ случаяхъ поземельные участки повинностной земли, хотя и изъемлются изъ пользованія крестьянъ—членовъ волостного общества, но всетаки остаются въ составѣ повинностной земли. Но въ другихъ случаяхъ повинностная земля могла или можетъ уменьшиться даже въ своихъ размѣрахъ, такъ какъ части ея могутъ быть изъяты изъ ея состава.

Крестьянскимъ Положеніемъ 1860 г. допускается, съ согласія мѣстнаго крестьянскаго волостного общества, *обмѣнъ* участковъ повинностной земли на равноцѣнные участки мызной, причемъ равноцѣнность мызнаго участка устанавливается предварительнымъ ревизорскимъ межеваніемъ и оцѣнкою[3]).

---

[1]) Въ 1897 г. 604 усадьбы изъ состава дворянскихъ вотчинъ находились въ собственности не-крестьянъ.

[2]) § 272 кр. Полож. 1849 г. и ст. 234 Полож. 1860 г.

[3]) Ст. 103 и 104 крест. Положенія 1860 г.

Но такъ какъ оцѣнка часто зависѣла отъ усмотрѣнія или произвола оцѣнщика, находившагося подъ вліяніемъ помѣщика, то обмѣняемые участки могли быть фактически и неравноцѣнными, и такъ какъ они кромѣ того могли имѣть разные размѣры, то отъ подобныхъ обмѣновъ пространство повинностной земли должно было уменьшиться. Теперь же, согласно разъясненію Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, обмѣняемые участки повинностной и мызпой земли, равнымъ образомъ неподатной мызной и квоты, должны соотвѣтствовать другъ другу не только по ихъ оцѣночной стоимости, но и по пространству.

Площадь повинностной земли могла уменьшиться также отъ *переоцѣнокъ* крестьянскихъ участковъ. Крестьянская земля была оцѣнена при регулированіи 1809—1823 г. и эта оцѣнка, занесенная въ вакенбухи межевой ревизіонной комиссіи и земскій списокъ 1832 г., служила основаніемъ для раскладки общественныхъ повинностей между отдѣльными имѣніями[1]). Казалось бы, никакой надобности въ переоцѣнкѣ крестьянской земли не было, тѣмъ болѣе, что въ 1819 году были установлены арендныя отношенія, основанныя на „свободномъ договорѣ“. Тѣмъ не менѣе помѣщики стали послѣ 1819 года производить во многихъ случаяхъ переоцѣнку крестьянскихъ участковъ, увеличивая ихъ оцѣночную стоимость (число талеровъ — по шведской системѣ земельной оцѣнки), чтобы имѣть поводъ для предъявленія къ арендаторамъ повышенныхъ требованій. Можно сомнѣваться въ томъ, имѣли ли помѣщики право производить переоцѣнку крестьянскихъ участковъ, потому что никакихъ указаній на такое право ни въ Положеніи 1819 года, ни въ Положеніи 1849 г. не имѣется. Лишь по дополнительнымъ статьямъ 1845 года помѣщикъ былъ вправѣ произвести перемежеваніе крестьянскихъ участковъ съ цѣлью доказать, что онъ имѣетъ право на бо̀льшее вознагражденіе отъ арендатора, чѣмъ значится въ вакенбухахъ. Но какъ бы то ни было, право

[1]) Въ настоящее время земскіе сборы распредѣляются на основаніи оцѣнки недвижимостей, произведенной по закону 4 іюня 1901 г.

оцѣнки признано за помѣщиками крестьянскимъ Положеніемъ 1860 года, къ которому приложена также инструкція для составленія новыхъ вакенбуховъ. Эти переоцѣнки, производимыя помѣщиками, ставили арендаторовъ крестьянскихъ участковъ въ крайне невыгодныя условія, для помѣщика же онѣ служили поводомъ не только для повышенія арендной платы, но и для уменьшенія размѣра крестьянскихъ участковъ. Необходимо имѣть въ виду, что по шведскому кадастру выгоны и неудобныя пространства вовсе не оцѣнивались, перелогъ же оцѣнивался ниже пахатной земли. Если арендаторъ произведенными улучшеніями повысилъ доброкачественность пашни, превратилъ перелогъ въ пашню или не вошедшія въ оцѣнку угодія превратилъ въ оцѣниваемыя, то при переоцѣнкѣ крестьяскаго участка оцѣночная его стоимость должна была повыситься. Въ такомъ случаѣ помѣщикъ имѣлъ поводъ повысить арендныя требованія или же онъ могъ уменьшить *размѣры* участка, оставляя за крестьянскимъ участкомъ прежнее число талеровъ и требуя прежнюю арендную плату, изъ „лишнихъ“ же частей составляя новые крестьянскіе участки или же присоединяя такія „лишнія“ части къ мызной землѣ. Измѣнить составъ или размѣры крестьянскихъ участковъ помѣщикъ былъ вправѣ, присоединеніе же частей повинностной земли къ мызной было незаконно.[1]) Шведскою системою земельной оцѣнки помѣщики могли воспользоваться также для того, чтобы присоединить къ мызнымъ полямъ цѣлые крестьянскіе участки (усадьбы), уменьшая общую площадь крестьянской (повинностной) земли, но сохраняя въ тоже время оцѣночную ея стоимость (число талеровъ), показанную въ земскомъ спискѣ 1832 г.

Право помѣщика переоцѣнивать крестьянскіе участки отразилось крайне невыгодно на положеніи арендаторовъ, которые по истеченіи арендnаго срока, если они желали сохранить за собою свои участки, должны были согласиться на повышенныя требованія помѣщика. Переоцѣнки кресть-

[1]) Ст. 102 кр. Положенія 1860 г.

янскихъ участковъ производились также передъ продажею ихъ членамъ крестьянскихъ волостныхъ обществъ. Поэтому въ Лифляндіи сложилась поговорка, что помѣщикъ изъ одного прежняго гака (80 талеровъ) дѣлаетъ два, затѣмъ продаетъ оба и еще одинъ оставляетъ за собой.

Насколько въ дѣйствительности уменьшилась повинностная земля отъ обмѣна и переоцѣнокъ, свѣдѣній не имѣется. Во всякомъ случаѣ отъ этого измѣнился составъ повинностной земли и спутались ея границы съ мызной землей.

Уменьшенію законнаго пространства повинностной земли содѣйствовали также случаи неправильнаго присоединенія квоты, когда квота выдѣлялась въ бо̀льшемъ размѣрѣ противъ законной нормы или съ нарушеніемъ постановленій закона о способѣ ея выдѣленія.

Итакъ, помѣщикъ могъ и можетъ отчасти еще въ настоящее время изъять повинностную землю изъ пользованія крестьянъ—членовъ волостного общества. Онъ можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ пользоваться непосредственно арендными участками или оставлять ихъ необработанными; онъ можетъ сдавать ихъ въ аренду или продавать постороннимъ лицамъ, не принадлежащимъ къ крестьянскому сословію; онъ могъ уменьшить даже составъ повинностной земли, пользуясь обмѣномъ участковъ мызной земли на повинностную, а главнымъ образомъ переоцѣнками крестьянскихъ участковъ; онъ уменьшилъ повинностную землю неправильнымъ присоединеніемъ квоты.

Спрашивается, какія же мѣры были предусмотрѣны крестьянскимъ Положеніемъ для того, чтобы повинностная земля не уменьшилась въ своемъ составѣ и чтобы помѣщикъ не пользовался ею незаконнымъ способомъ?

Надзоръ за ненарушимостью пространства повинностной земли и за тѣмъ, чтобы помѣщикъ не пользовался какою либо частью этой земли незаконно, былъ возложенъ на мѣстное крестьянское волостное общество. Но такъ какъ должностныя лица волостного общества находились въ зависимости отъ помѣщика, то послѣдній очевидно могъ довольно свободно

располагать повинностною землею, пока крестьянскіе участки не стали переходить въ крестьянскую собственность и пока въ 1866 г. не было преобразовано волостное общественное самоуправленіе, которое стало независимымъ отъ помѣщика. Но пока волостной старшина и члены схода выборныхъ въ качествѣ арендаторовъ крестьянскихъ участковъ находились въ экономической зависимости отъ помѣщика и пока судебная, административная и полицейская власть была сосредоточена въ рукахъ нѣмецкаго дворянства, о дѣйствительномъ надзорѣ за цѣлостью повинностной земли и закономѣрнымъ ея пользованіемъ было трудно говорить.

Съ преобразованіемъ же въ 1889 г. крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ прибалтійскихъ губерній, на комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ были возложены всѣ тѣ обязанности по надзору за волостнымъ общественнымъ управленіемъ крестьянъ и по наблюденію за примѣненіемъ правилъ о поземельномъ ихъ устройствѣ, которыя, на основаніи мѣстныхъ узаконеній, лежали на приходскихъ судахъ въ Эстляндской и Лифляндской губерніяхъ и на уѣздныхъ судахъ въ Курляндской губ. Въ виду этого въ настоящее время во всѣхъ прибалтійскихъ губерніяхъ договоры, заключаемые крестьянами съ помѣщиками объ арендѣ крестьянскихъ участковъ, укрѣпляются (корроборируются) комиссарами по крестьянскимъ дѣламъ; ими же удостовѣряется *законность* договоровъ о продажѣ крестьянскихъ поземельныхъ участковъ (комиссаръ, не касаясь вопроса о цѣлесообразности договора для той или другой стороны, удостовѣряетъ лишь, что содержаніе предъявленнаго договора ни въ чемъ не противорѣчитъ постановленіямъ кр. Положеній и другимъ законамъ).

Равнымъ образомъ по дѣламъ о неправильномъ присоединеніи крестьянскихъ земель къ мызнымъ и о перечисленіи, въ Лифляндской губерніи, податныхъ земель въ неподатныя, органы крестьянскаго волостного общества — волостной старшина и сходъ выборныхъ — обращаются со

своими показаніями и жалобами къ комиссару по крестьянскимъ дѣламъ, который производитъ предварительное разслѣдованіе. Разслѣдованіе съ изложеніемъ заключенія, комиссаръ представляетъ на разрѣшеніе Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, постановленія котораго могутъ быть обжалованы во второй департаментъ Правительствующаго Сената [1]).

Незаконный способъ пользованія повинностною землею со стороны помѣщика — явленіе обычное. Вѣдь помѣщикъ, нарушая законъ, ничѣмъ не рискуетъ, потому что въ законѣ не предусмотрѣно карательныхъ мѣръ за его нарушеніе Однимъ изъ комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ было возбуждено дѣло о незаконномъ способѣ пользованія повинностною землею со стороны помѣщика, но ни мировой судья, ни съѣздъ мировыхъ судей, ни Правительствующій Сенатъ, въ виду отсутствія въ положительномъ законѣ карательныхъ мѣръ, не нашли возможнымъ привлечь помѣщика къ отвѣтственности, хотя бы по ст. 29 Устава о наказаніяхъ, за сдачу имъ участка въ аренду безъ установленнаго контракта (рѣшеніе Уголовнаго Кассац. Департамента Правит. Сената 1893 г. № 6 отъ 16 февраля 1893 г. по дѣлу П. Шмидта). Съ цѣлью предотвратить нарушеніе закона помѣщиками, Правительствующій Сенатъ указомъ отъ 30 сентября 1904 г. за № 6215 предоставилъ комиссарамъ по крестьянскимъ дѣламъ право сдать крестьянскіе участки въ аренду помимо помѣщика, но эта мѣра принесла мало пользы, потому что распоряженія комиссара могутъ быть обжалованы помѣщикомъ въ Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе.

Сознавая крайне вредныя послѣдствія свободнаго договора для арендаторовъ крестьянскихъ участковъ, лифляндское

[1]) Производство по дѣламъ о неправильныхъ присоединеніяхъ, въ качествѣ квоты или $^1/_6$ доли, участковъ повинностной и крестьянской арендной земли (въ Эстляндіи и на островѣ Эзелѣ) къ мызнымъ угодіямъ временно пріостановлено Высочайшимъ указомъ 18 февраля 1893 г., впредь до окончательнаго разрѣшенія законодательнымъ порядкомъ вопроса о квотныхъ и шестидольныхъ земляхъ.

дворянство провело нѣкоторыя защитительныя мѣры въ ихъ пользу. Такъ, закономъ установленъ *минимальный арендный срокъ въ 6 лѣтъ,* требуется заключеніе *письменныхъ контрактовъ,* утвержденныхъ правительственными должностными лицами (комиссарами по крестьянскимъ дѣламъ); арендаторъ, оставляющій свой участокъ по истеченіи арендnаго срока, вправѣ, при наличіи извѣстныхъ условій, требовать отъ помѣщика *вознагражденіе за* произведенныя на участкѣ *улучшенія* (правила 1865 г. о меліораціонномъ вознагражденіи арендаторовъ), наконецъ, при продажѣ арендnаго участка арендаторъ пользуется преимущественнымъ правомъ на покупку участка. Но эти мѣры оказались недостаточными для обезпеченія положенія арендаторовъ по слѣдующимъ причинамъ. Кр Положеніемъ, какъ указано, не предусмотрѣно карательныхъ мѣръ на случай нарушенія помѣщикомъ соотвѣтственныхъ постановленій аграрнаго закона, самый же законъ предоставляетъ помѣщику право *досрочно* прекратить арендный договоръ не только въ случаѣ продажи арендnаго участка, но и по другимъ поводамъ, причемъ въ случаѣ удаленія арендатора судебнымъ приговоромъ онъ теряетъ право на полученіе вознагражденія за произведенныя имъ на участкѣ улучшенія. Правила же о меліораціонномъ вознагражденіи (правила 1865 г.) составлены такимъ образомъ, что они предоставляютъ помѣщику возможность путемъ предусмотрительнаго составленія арендnаго договора избѣгнуть необходимости выдачи меліораціоннаго вознагражденія. Наконецъ, постоянное повышеніе помѣщикомъ, по истеченіи арендnаго срока, арендной платы обусловливаетъ собою тяжелое и неустойчивое положеніе арендаторовъ. Но какъ бы то ни было, проведенныя въ пользу арендаторовъ крестьянскихъ участковъ постановленія закона всетаки оберегаютъ въ нѣкоторой мѣрѣ ихъ интересы. Но и въ этомъ вопросѣ мы видимъ крайне характерную для лифляндскаго аграрнаго законодательства черту: мѣры, принимавшіяся въ защиту арендаторовъ противъ произвола помѣщиковъ, распространяются только на повинностную, а не

на квотную и мызную землю, гдѣ арендаторы остаются безъ защиты ихъ интересовъ со стороны аграрнаго закона. Очевидно дворянство полагало, что для сохраненія своего положенія ему достаточно улучшить бытъ арендаторовъ лишь повинностной земли, принять же какія либо мѣры въ пользу арендаторовъ также мызной и квотной земли казалось лишнимъ.

Слѣдовательно, съ арендаторами поземельныхъ участковъ квотной и мызной земли помѣщикъ вправѣ заключить и *устныя* арендныя условія, при которыхъ положеніе арендатора нисколько не обезпечено, такъ какъ помѣщикъ можетъ по своему усмотрѣнію повысить арендную плату или удалить арендатора изъ участка. При заключеніи устныхъ арендныхъ условій арендаторъ становится въ полную экономическую зависимость отъ помѣщика. Въ 1897 г. въ Лифляндской губерніи находилось въ арендномъ содержаніи 7342 усадьбы по законно утвержденнымъ контрактамъ и 4033 безъ таковыхъ (Матеріалы Стат. Ком.).

Принципъ свободнаго договора былъ сохраненъ также при *продажѣ* поземельныхъ участковъ. И здѣсь онъ оказался несогласнымъ съ поставленною себѣ дворянствомъ цѣлью — созданіемъ крѣпкаго слоя крестьянъ-собственниковъ, затрудняя достиженіе этой цѣли. Свободный договоръ выразился здѣсь преимущественно въ томъ, что покупныя цѣны за отчуждаемые крестьянскіе участки опредѣлялись помѣщикомъ по своему усмотрѣнію, а затѣмъ, независимо отъ дѣйствія установленныхъ закономъ (мѣстнымъ земскимъ правомъ) дворянско-вотчинныхъ правъ, право свободнаго пользованія пріобрѣтенными поземельными участками ограничивалось во многихъ случаяхъ еще частно-правовымъ путемъ, вслѣдствіе внесенія въ купчіе контракты условій, запрещающихъ крестьянамъ устройство промышленныхъ предпріятій на пріобрѣтенной ими землѣ. Эти условія, наравнѣ съ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ публичныхъ повинностей между мызною и крестьянскою землею, не могли

не задержать развитія самостоятельнаго и обезпеченнаго класса крестьянъ-собственниковъ.

При господствѣ въ аграрныхъ отношеніяхъ свободнаго договора переходъ отъ аренды къ поземельной собственности зависитъ отъ усмотрѣнія помѣщика. Главнымъ образомъ этимъ и объясняется, что къ 1 августа 1905 г. свыше 11% общей площади крестьянской земли дворянскихъ вотчинъ находилось еще въ арендномъ содержаніи (продано было 88,63%).

Итакъ, лифляндскій аграрный законъ, облегчая рядомъ мѣръ переходъ отъ издѣльной аренды къ денежной и содѣйствуя возникновенію крестьянской поземельной собственности, ставитъ въ тоже время крестьянъ-собственниковъ въ невыгодныя условія, задерживающія развитіе этого класса крестьянскаго населенія. И если тѣмъ не менѣе положеніе крестьянъ-хозяевъ, пріобрѣтшихъ землю въ собственность, съ теченіемъ времени улучшилось и укрѣпилось, то причиною достигнутаго ими сравнительнаго благополучія слѣдуетъ признать развитіе сельско-хозяйственной техники и раціональную постановку сельскаго хозяйства. Этому развитію содѣйствовали сравнительно высокая просвѣщенность крестьянскаго населенія, его любовь къ сельскому хозяйству, къ своему уголку земли и его чрезвычайная энергія и трудолюбіе. Если же лифляндскимъ аграрнымъ законодательствомъ была подготовлена почва для развитія сельскаго хозяйства путемъ содѣйствія возникновенію крестьянской собственности, то эта мѣра объясняется чувствомъ самосохраненія лифляндскаго дворянства, увидѣвшаго себя въ 40-хъ годахъ 19 столѣтія вынужденнымъ предпринять аграрную реформу съ цѣлью созданія крѣпкаго слоя крестьянскаго населенія.

Но лифляндское дворянство не задавалось цѣлью обезпечить сколько-нибудь положеніе и другихъ разрядовъ крестьянскаго населенія. Противъ бобылей были проведены суровыя мѣры, долженствовавшія по возможности уменьшить, если не ссвершенно прекратить, этотъ разрядъ сельскаго пролетаріата. Мѣры эти должны были создать достаточное

количество необходимыхъ помѣщикамъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Классъ же сельско-хозяйственныхъ рабочихъ не только не получилъ въ свое пользованіе квотныхъ земель, несмотря на соотвѣтственное постановленіе Остзейскаго комитета отъ 24 мая 1846 г., но терялъ также право на тѣ участки крестьянской земли, коими онъ пользовался въ силу кр. Положенія 1804 г. Въ экономическомъ отношеніи безземельное крестьянство, составлявшее около $^3/_4$ всего сельскаго крестьянскаго населенія, становилось съ теченіемъ времени въ зависимость какъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ — помѣщиковъ, такъ и отъ среднихъ—дворохозяевъ, въ вопросахъ же крестьянскаго самоуправленія руководящая роль была предоставлена крестьянамъ-дворохозяевамъ.

Организуя крестьянское общественное управленіе, Положенія 1849 и 1860 г. г. сохраняютъ зависимость и отчасти подчиненность органовъ этого управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ и всего крестьянскаго общества отъ мызнаго управленія — помѣщика или его замѣстителя. Лишь въ 1866 г., съ изданіемъ Положенія о волостномъ общественномъ управленіи въ остзейскихъ губерніяхъ, прекращается непосредственное вліяніе помѣщика на крестьянское общество, косвенное же его вліяніе, черезъ судъ и администрацію, продолжается до конца 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда въ Прибалтійскомъ краѣ была проведена реформа суда, крестьянскихъ административныхъ учрежденій и полиціи, находившихся до того въ рукахъ нѣмецкаго дворянства.

Выдѣленіе части крестьянской земли въ особую категорію — *квоту* — имѣло цѣлью, согласно смыслу извѣстнаго постановленія Остзейскаго комитета отъ 24 мая 1846 г., обезпеченіе благосостоянія батраковъ-работниковъ. Соотвѣтствуя по своимъ размѣрамъ той землѣ, которою пользовались работники по крестьянскому Положенію 1804 г., и являясь рабочею землею, квота передавалась въ завѣдываніе помѣщику для предоставленія ея въ пользованіе рабочимъ; по смыслу постановленія Остзейскаго комитета, помѣщикъ

не былъ вправѣ ни пользоваться ею лично, ни отчуждать ея, ни сдавать въ аренду. Единственною ея цѣлью являлось обезпеченіе благосостоянія рабочихъ.

Дворянская комиссія, составленная въ 1846 г. для дальнѣйшей разработки принятыхъ комитетомъ основныхъ началъ будущаго законоположенія о лифляндскихъ крестьянахъ, нарушая обязательное для нея постановленіе комитета, измѣнила установленныя послѣднимъ отдѣльныя опредѣленія, составлявшія понятіе о квотѣ, разстраивая и разрушая такимъ образомъ это понятіе. Согласно предложенію комиссіи, квота предоставлялась въ распоряженіе помѣщика, приравнивалась къ мызной землѣ и способъ ея пользованія вполнѣ предоставлялся усмотрѣнію помѣщика, не подлежа никакимъ ограничительнымъ постановленіямъ. Но комиссія не могла не признать самой *цѣли* квоты, установленной Остзейскимъ комитетомъ, и мысль объ этой цѣли выразилась въ словахъ постановленія комиссіи, что помѣщикъ можетъ по своему усмотрѣнію или поселять рабочихъ на квотѣ, или же другимъ путемъ обезпечить себѣ доходъ съ нея съ тѣмъ, чтобы на этотъ доходъ содержать рабочихъ.

Такимъ образомъ комиссія уничтожила правовое положеніе квоты какъ особой категоріи земли, переданной Остзейскимъ комитетомъ лишь въ завѣдываніе помѣщику для предоставленія ея въ личное пользованіе рабочимъ. Не будучи въ состояніи уничтожить *цѣль* квоты, она старалась обходить эту цѣль, предоставляя сельско - хозяйственный способъ пользованія квотой и способъ обезпеченія рабочихъ усмотрѣнію помѣщика и отклоняя всякій контроль надъ тѣмъ, какъ онъ будетъ обезпечивать ихъ.

Ландтагъ же 1847 г. старался затемнить цѣль квоты, признанную протоколомъ дворянской комиссіи; съ другой стороны, онъ пытался скрыть и замаскировать нарушеніе постановленія Остзейскаго комитета. Этимъ и объясняется та чрезвычайная неясность,которою отличается постановленіе ландтага по вопросу о квотѣ; оно допускаетъ разныя тол-

кованія въ ту и другую сторону. Постановленіе это страдаетъ такою неопредѣленностью, что на его основаніи нельзя выяснить ни цѣли квоты, ни ея правоваго положенія, ни вопроса о разрядяхъ обезпечиваемыхъ ею рабочихъ[1]).

Въ результатѣ оказалось, что цѣль квоты въ крестьянскомъ Положеніи 1849 г., равнымъ образомъ и въ Положеніи 1860 г. вовсе не была выражена. Вся мызная земля, въ томъ числѣ и квота, по словамъ означенныхъ крестьянскихъ Положеній, „предоставляется сполна, во всѣхъ отношеніяхъ, въ свободное безусловное распоряженіе помѣщика", который „властенъ по собственному усмотрѣнію и безъ всякаго посторонняго надзора пользоваться мызною землею и предназначать оную на какое бы то ни было употребленіе". Лишь тѣ участки мызной земли, которые сдавались въ издѣльную аренду, подлежали общимъ постановленіямъ объ этомъ видѣ аренды.[2])

Этимъ постановленіемъ аграрнаго закона мызная земля противопоставляется повинностной землѣ, которою помѣщикъ можетъ пользоваться, по общему правилу, не иначе, какъ посредствомъ сдачи ея въ аренду или продажи членамъ крестьянскихъ волостныхъ обществъ, причемъ сдача ея въ арендное содержаніе подлежитъ дѣйствію особыхъ постановленій объ арендѣ (минимальный арендный срокъ въ 6 лѣтъ, заключеніе письменныхъ контрактовъ, меліораціонное вознагражденіе). Способъ же сельско-хозяйственнаго пользованія *мызною* землею—податною и неподатною—зависитъ отъ усмотрѣнія помѣщика и не подлежитъ ограничительнымъ постановленіямъ закона (за исключеніемъ случаевъ сдачи мызной земли въ издѣльную аренду, которая подлежала общимъ постановленіямъ объ этомъ видѣ аренды,—пока она существовала).

---

[1]) Разсматривая постановленіе Остзейскаго комитета по вопросу о квотѣ и сравнивая его съ докладною запискою предсѣдателя комитета графа Палена, нельзя не прійти къ заключенію, что квота предназначалась Остзейскимъ комитетомъ для обезпеченія благосостоянія всего класса сельскихъ рабочихъ — мызныхъ и хозяйскихъ.

[2]) Ст. 97 кр. Полож. 1860 г., § 122 Полож. 1849 г.

Если въ крестьянскомъ Положеніи цѣль квоты не указана, то таковою по необходимости приходится считать, согласно постановленію Остзейскаго комитета, обезпеченіе благосостоянія рабочихъ. Разница же между постановленіемъ комитета и крестьянскимъ Положеніемъ состоитъ въ томъ, что способъ сельско-хозяйственнаго пользованія мызною землей, въ томъ числѣ и квотой, кр. Положеніемъ предоставленъ усмотрѣнію помѣщика. Изъ этого слѣдуетъ, что и способъ обезпеченія рабочихъ, согласно кр. Положенію зависитъ отъ помѣщика, причемъ однако не установлено никакого контроля надъ тѣмъ, чтобы помѣщикъ дѣйствительно обезпечивалъ рабочихъ насчетъ квоты. Такимъ образомъ обнаруживается существенный пробѣлъ закона: съ одной стороны видно, что квота должна служить опредѣленной цѣли, а съ другой не установлено никакихъ гарантій въ томъ, что помѣщики будутъ пользоваться ею согласно съ ея цѣлью или назначеніемъ.

Крестьянское Положеніе 1849 г. не разсматривалось въ Государственномъ Совѣтѣ, при разсмотрѣніи же въ Совѣтѣ проекта Положенія 1860 г. министръ государственныхъ имуществъ обратилъ вниманіе на то, что квоту дозволено было присоединить къ мызной землѣ съ тою именно цѣлью, чтобы обезпечить работниковъ. Въ виду этого на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта лифляндскому дворянству было предложено ту часть земли, которая прирѣзана отъ податной къ мызной, употребить въ теченіе пятилѣтняго срока для обезпеченія по возможности участи всѣхъ вообще работниковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Однако лифляндское дворянство уклонилось отъ исполненія ясно выраженной воли законодателя, воспользовавшись тѣмъ, что въ текстъ крестьянскаго Положенія 1860 г. не было внесено никакихъ указаній на цѣль и назначеніе квоты. (Это случилось потому, что прибалтійскому генералъ-губернатору князю Суворову, находившемуся подъ вліяніемъ нѣмецкаго дворянства, удалось убѣдить Государственный Совѣтъ не вносить измѣненій въ разсматривавшійся проектъ закона).

Помѣщики продолжали располагать квотными землями по своему усмотрѣнію, присоединяя ихъ непосредственно къ мызнымъ полямъ, поселяя на нихъ мызныхъ рабочихъ, сдавая въ аренду или же отчуждая. Такъ это продолжалось до 1893 г., когда Высочайшимъ указомъ отъ 18 февраля вопросъ о квотныхъ и шестидольныхъ земляхъ (въ Эстляндіи и на островѣ Эзелѣ) вновь былъ поставленъ на очередь. Этимъ указомъ высшею правительственною властью было признано своевременнымъ приступить къ окончательному разрѣшенію вопроса объ означенныхъ земляхъ, и поэтому министру внутреннихъ дѣлъ повелѣвается, по надлежащемъ выясненіи вопроса войти въ установленномъ порядкѣ съ представленіемъ объ обращеніи сихъ земель къ законному ихъ назначенію. Вмѣстѣ съ симъ временно, впредь до разрѣшенія означеннаго представленія, была пріостановлена продажа участковъ изъ состава квотныхъ и шестидольныхъ земель, за исключеніемъ небольшихъ участковъ, по своимъ размѣрамъ не превышающихъ установленнаго мѣстными Положеніями минимума крестьянскихъ арендныхъ участковъ [1]), если покупателями ихъ явятся лица мѣстнаго безземельнаго крестьянскаго населенія.

Временно, впредь до окончательнаго разрѣшенія квотнаго вопроса, было пріостановлено также производство по дѣламъ о неправильныхъ присоединеніяхъ, въ качествѣ квоты и одной шестой доли, участковъ повинностной и крестьянской арендной земли къ мызнымъ угодіямъ [2]).

Такимъ образомъ вопросъ о квотныхъ и шестидольныхъ земляхъ ждетъ еще своего окончательнаго разрѣшенія въ нашихъ законодательныхъ палатахъ.

---

1) Минимальный размѣръ крестьянскихъ участковъ въ Лифляндіи составляетъ 10 талеровъ (въ среднемъ около 25 дес.), въ Эстляндіи —3 дес. пахатной земли съ соразмѣрнымъ количествомъ луговъ и выгоновъ, а на островѣ Эзелѣ — 3 дес. пахатной земли съ соразмѣрнымъ количествомъ огородной земли, луговъ и выгоновъ.

2) Съ другой стороны, впредь до окончательнаго разрѣшенія вопроса о квотныхъ и шестидольныхъ земляхъ не разрѣшенъ также обмѣнъ ихъ на мызную неподатную землю (указы Правит. Сената отъ 13 марта 1906 г. № 2462 и 15 мая 1912 г. №. 5147).

Часть квотной земли слилась съ мызными полями, часть продана помѣщиками, отчасти она сдается въ арендное содержаніе, отчасти на ней образованы небольшія сельскохозяйственныя единицы, предоставляемыя въ пользованіе мызнымъ рабочимъ. Какъ сдаваемые въ аренду, такъ и проданные участки равняются по своимъ размѣрамъ крестьянскимъ участкамъ повинностной земли (въ среднемъ около 40 десятинъ). Лишь за послѣднее время, въ силу Высочайшаго указа отъ 18 февраля 1893 г., помѣщиками продано нѣкоторое число *мелкихъ* участковъ квотной земли.

Изъ квотныхъ земель лишь сравнительно незначительная часть (5,3%) отведена мызнымъ рабочимъ, бóльшая же часть сдана въ аренду (57,3 %) или продана (27,9 %), или же находится въ непосредственномъ пользованіи помѣщиковъ (9,5 %).

Квота сохранила свое податное свойство, такъ какъ лифляндскій ландтагъ не воспользовался предоставленнымъ ему правомъ сдѣлать правительству представленіе о мѣрахъ къ отмѣнѣ означеннаго ея свойства. Зато *прежняя* мызная земля считается неподатною землею, хотя съ теченіемъ времени она отчасти и теряла свое неподатное свойство

До послѣдняго времени остался невыясненнымъ вопросъ о томъ, насколько поземельные участки квотной земли могутъ быть привлечены къ сборамъ и повинностямъ, лежащимъ на крестьянскомъ волостномъ обществѣ. Квотная земля сохранила свое податное свойство и поэтому, казалось бы, всѣ поземельные участки этой земли, въ чьемъ бы пользованіи они ни находились, подлежатъ обложенію сборами и повинностями наравнѣ съ участками крестьянской (повинностной) земли. Однако поземельные участки квотной земли, находящіеся въ личномъ пользованіи помѣщика, сборами и повинностями не облагались; равнымъ образомъ, въ силу указа 2 деп. Прав. Сената отъ 23 октября 1912 г. за № 9209, были освобождены отъ обложенія натуральными повинностями участки квотной (и мызной) земли, пріобрѣтенные лицами, не принадлежащими къ волостному обществу даннаго

имѣнія. Лишь въ 1915 г. послѣдовало разъясненіе Прав. Сената, что поземельные участки квотной земли, коими пользуется лично самъ владѣлецъ, подлежатъ обложенію лежащими на крестьянскомъ волостномъ обществѣ сборами и повинностями наравнѣ съ участками крестьянской земли.

Прежняя *мызная земля* или мызная неподатная земля находится въ непосредственномъ пользованіи помѣщиковъ, но часть ея продана или же сдается въ аренду въ видѣ самостоятельныхъ сельско-хозяйственныхъ единицъ, соотвѣтствующихъ по своимъ размѣрамъ поземельнымъ участкамъ (крестьянскимъ дворамъ) повинностной и квотной земли Однако, какъ уже указано, защитительныя мѣры, установленныя въ пользу арендаторовъ повинностной земли, не распространяются на арендаторовъ мызной и квотной земли, въ виду чего положеніе ихъ является болѣе необезпеченнымъ и неустойчивымъ, чѣмъ положеніе арендаторовъ повинностной земли.

Итакъ, передъ нами вырисовывается разница, въ правовомъ отношеніи, между крестьянскою (повинностною) и мызною (податною и неподатною) землями. Эта разница обусловливаетъ собою бóльшую экономическую зависимость одной группы арендаторовъ по сравненію съ другой.

Другая существенная разница въ правовомъ положеніи отдѣльныхъ категорій земли частныхъ имѣній Лифляндской губерніи заключается въ *податномъ* свойствѣ повинностной и квотной земли и въ *неподатномъ* прежней мызной земли.

---

2. Неподатное свойство мызной земли.

Согласно общему правилу, неподатная земля, независимо отъ личности владѣльца, всегда свободна отъ всѣхъ публичныхъ повинностей (починки дорогъ, подводной повинности и т. п.), такъ какъ послѣдними облагается податная земля, оцѣночная стоимость которой служитъ мѣриломъ

для опредѣленія доли публичныхъ повинностей, причитающихся на каждое отдѣльное помѣстье (ст. 94 кр. Пол. 1860 г.).

Въ виду этого, при отчужденіи крестьянскаго поземельнаго участка (продажѣ его члену крестьянскаго волостного общества) соотвѣтственная доля лежавшихъ на имѣніи *публичныхъ податей* (*земскихъ повинностей*) перечисляется на отчуждаемый поземельный участокъ; за исправное же отбываніе ихъ отвѣтствуетъ, въ совокупности, все дворянское помѣстье (ст. 48—51).[1])

Владѣльцы крестьянскихъ поземельныхъ участковъ отправляютъ также *натуральныя повинности въ пользу государства.* (ст. 15).

Однако въ производствѣ *публичныхъ построекъ*, возложенныхъ на волостныя общества, напр. почтовыхъ домовъ (зданій конно-почтовыхъ станцій), участвуютъ также владѣльцы неподатной мызной земли, обязанные отпускать всѣ необходимые строевые матеріалы, за исключеніемъ соломы, и нести всѣ личные расходы по производимымъ постройкамъ. На владѣльцевъ же повинностной земли, соразмѣрно съ величиною ихъ участковъ, возложены: доставка матеріаловъ, поставка необходимаго числа работниковъ и поставка нужнаго количества соломы (ст. 550).

Это правило о распредѣленіи строительной повинности между мызами и крестьянскими волостными обществами примѣняется также къ *церковно-строительной повинности*

---

[1]) Подъ повинностями, перечисляемыми на отчуждаемые участки податной земли, слѣдуетъ разумѣть всѣ тѣ, въ которыхъ участвуютъ также *казенныя* имѣнія (указъ Лифляндскаго губернскаго правленія отъ 9 декабря 1863 г. № 120).

[2]) Отбывающій натуральныя повинности владѣлецъ поземельнаго участка (арендаторъ или собственникъ) можетъ замѣнить ихъ денежными платежами лишь съ согласія общества, которое въ такомъ случаѣ принимаетъ на себя исправленіе повинности; равнымъ образомъ волостное общество можетъ замѣнить публичныя издѣльныя или натуральныя повинности денежными платежами лишь съ разрѣшенія начальства (ст. 16 кр. Пол. 1860 г.).

(церковнымъ, пасторатскимъ и приходско-училищнымъ постройкамъ (указы Лифл. губ. правл. отъ 11 дек. 1870 г. № 138 и 18 сент. 1872 г. № 64); оно положено также въ основу распредѣленія *натуральной дорожной повинности* между мызами и владѣльцами податной земли.

Владѣльцы неподатной мызной земли издавна участвуютъ также въ *денежныхъ приходскихъ и церковныхъ сборахъ* (къ первымъ относятся сборы на содержаніе приходской почты и на врачебное и санитарное дѣло прихода; ко вторымъ — сборы на содержаніе церковно-приходскихъ училищъ и въ пользу евангелическо-лютеранской церкви и духовенства); наконецъ, мызная земля облагается *сословно-дворянскими сборами* (дворянскими складками), предназначенными на сословныя надобности дворянства.

Съ теченіемъ времени неподатное свойство мызной земли сузилось еще болѣе. Такъ, съ 1874 г. также и мызная земля привлечена къ *квартирной повинности для потребностей войска*; закономъ 22 мая 1880 г. *государственный поземельный налогъ* былъ распространенъ на Лифляндскую и Эстляндскую губерніи и мызная земля облагается этимъ налогомъ наравнѣ съ крестьянской. Въ 1889 г. лифляндское дворянство по требованію правительства согласилось облагать мызную землю *денежными земскими сборами* наравнѣ съ податною землею, сохраняя однако привилегированное положеніе мызной земли относительно *натуральныхъ* повинностей.[1]) Съ 1913 г. мызная земля облагается денежными земскими сборами уже въ силу закона[2]) на одинаковыхъ основаніяхъ съ крестьянскою землею — согласно оцѣночной ея стоимости, установленной по правиламъ закона 4 іюня 1901 г.

Но нельзя сказать, что мызная и крестьянская земля теперь обложены равномѣрно денежными земскими сборами; напротивъ, крестьянская земля обложена ими сильнѣе, чѣмъ

---

[1]) Эзельское дворянство согласилось на обложеніе мызной земли земскими сборами еще въ 1882 г.

[2]) Законъ отъ 23 іюня 1912 г.

мызная. Объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ, что лѣса, значительныя пространства коихъ имѣются на мызной землѣ, оцѣнены низко по сравненію съ оцѣнкою остальныхъ недвижимыхъ имуществъ. (Выработка оцѣночныхъ тарифовъ и производство оцѣнки находились въ рукахъ дворянства).

Владѣльцы мызной земли привлекаются также къ *повинностямъ, отбываемымъ для потребностей войска.* Эти повинности двоякаго рода (ст. 744, 822 уст. о земск. пов. изд. 1899 г.):

1) поставка лошадей при приведеніи арміи въ полный составъ и во время войны;
2) поставка, при приведеніи арміи въ полный составъ и во время войны, наряду съ лошадьми, повозокъ и упряжи, для формированія военныхъ транспортовъ.

Этимъ повинностямъ подлежитъ все населеніе, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ ст. 746 и 823 уст. о земск. пов., согласно которымъ отъ означенныхъ повинностей освобождены иностранныя посольства и миссіи, штабъ- и оберъ-офицеры и т. д. Слѣдовательно, повинностямъ, отбываемымъ для потребностей войска, подлежатъ, наравнѣ съ остальными разрядами населенія, также и владѣльцы мызной земли.[1])

Итакъ, *принципіальнаго* различія между мызною землею какъ неподатною и крестьянскою и квотною какъ податною — не существуетъ, но съ другой стороны не имѣется также равномѣрнаго распредѣленія повинностей между „неподатною“ и „податною“ землею.

---

[1]) Владѣльцы мызной земли подлежатъ не только поставкѣ лошадей, но и поставкѣ повозокъ и упряжи, что видно изъ слѣдующихъ соображеній. Въ отношеніи этой повинности никакого исключенія для помѣщиковъ уставомъ о земскихъ повинностяхъ не предусмотрѣно, напротивъ, изъ сравненія отдѣльныхъ статей устава (ст. 799, 825, 826) необходимо прійти къ заключенію, что и помѣщики подлежатъ поставкѣ повозокъ и упряжи. Если же въ настоящую войну помѣщики пользуются какими-то привилегіями въ этомъ отношеніи, то для этого законныхъ основаній не имѣется.

Такъ, натуральная *подводная повинность* (поставка лошадей для разъѣздовъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства) и арестантская *этапная повинность* лежатъ исключительно на крестьянахъ — арендаторахъ и собственникахъ податной земли (ст. 411 кр. Полож. 1860 г.).[1]) И хотя лицамъ, отбывающимъ подводную повинность, и волостнымъ обществамъ, предоставляющимъ помѣщенія для ночлега пересыльныхъ арестантовъ, выдается вознагражденіе изъ суммъ губернскихъ земскихъ сборовъ, но этимъ, конечно, не уравняется исключительное обремененіе этими повинностями крестьянскаго населенія. Исключительно на крестьянскихъ волостныхъ обществахъ лежитъ также обязанность по снаряженію нарядовъ для *тушенія лѣсныхъ пожаровъ*. Но главная несправедливость по отношенію къ кр. населенію заключается въ крайне неравномѣрномъ распредѣленіи *натуральной дорожной повинности* между помѣщиками, съ одной стороны, и крестьянами — арендаторами и собственниками податной земли — съ другой. Принимая во вниманіе обременительность для крестьянъ дорожной повинности и весьма незначительное участіе въ ней помѣщиковъ, равнымъ образомъ исполненіе подводной и этапной повинности исключительно крестьянами, — можно сказать, что *мызная земля до сихъ поръ пользуется привилегированнымъ положеніемъ въ отношеніи отбыванія натуральныхъ повинностей.*

Какимъ же образомъ отбывается дорожная повинность?

Наиболѣе важныя дороги и дорожныя сооруженія (напр. мосты) содержатся въ прибалтійскихъ губерніяхъ насчетъ *дорожнаго капитала*, находящагося въ распоряженіи учрежденій, завѣдывающихъ земскимъ хозяйствомъ въ этихъ губерніяхъ; проселочныя и полевыя дороги исправляются земельными собственниками, черезъ владѣнія которыхъ онѣ пролегаютъ, всѣ же остальныя дороги содержатся

[1]) За крестьянскіе участки, не сданные помѣщикомъ въ аренду, а находящіеся въ его личномъ пользованіи, публичныя работы и повинности должны исподняться помѣщикомъ (ст. 411 кр. Полож. 1860 г.).

крестьянами и помѣщиками. Однако эта обязанность распредѣлена между ними въ Лифляндіи и Курляндіи крайне неравномѣрно, въ виду чего *бремя натуральной дорожной повинности падаетъ почти исключительно на крестьянъ* (владѣльцевъ и арендаторовъ крестьянскихъ участковъ въ Курляндіи, поземельныхъ участковъ повинностной и квотной земли въ Лифляндіи).

Во время крѣпостной зависимости исправленіе дорогъ и дорожныхъ сооруженій (мостовъ, перилъ, плотинъ и т. д.) составляло обязанность помѣщиковъ какъ владѣльцевъ имѣній, но такъ какъ при натуральномъ хозяйствѣ всѣ работныя повинности исправлялись крестьянами-барщинниками, то и натуральная дорожная повинность, лежавшая на имѣніи, фактически исправлялась крестьянами, доставлявшими всю необходимую рабочую силу, между тѣмъ какъ помѣщики отпускали нужный для устройства дорогъ матеріалъ—лѣсъ, хворостъ, камень, крупный песокъ (грантъ) и т. п.

Въ Лифляндіи такое положеніе дѣла было принято во вниманіе при нормировкѣ крестьянскихъ повинностей согласно аграрнымъ законамъ 1804 и 1809 г.г., когда были оцѣнены и занесены въ вакенбухи (земельныя описи) не только отбываемыя крестьянами мызныя работы, но и публичныя повинности. Такъ наз. „освобожденіе“ крестьянъ въ 1819 г., когда крестьяне-хозяева изъ наслѣдственныхъ владѣльцевъ ихъ участковъ сдѣлались временными арендаторами, ничего въ вышеизложенномъ способѣ отбыванія дорожной повинности не измѣнило.

Мѣстное земское право (Сводъ мѣстн. узак. губ. остз.) по вопросу о дорожной повинности отражаетъ собою времена натуральнаго хозяйства и барщины (или издѣльной аренды), когда крестьянская земля входила въ составъ имѣнія и дорожная повинность лежала на обязанности имѣнія какъ такового. Земскимъ правомъ (ст. 1004 ч. III Св. мѣстн. узак.) опредѣлено, что матеріалы, необходимые на устройство общественныхъ дорогъ и мостовъ, т. е. лѣсъ, хворостъ, камень, крупный песокъ (грантъ) и т. п., должны быть по-

ставляемы собственникомъ ближайшаго къ дорогѣ лѣса или поля безвозмездно, но съ возможнымъ притомъ сбереженіемъ его пашень и луговъ; нужный же *строевой лѣсъ* отпускается собственникомъ имѣнія, обязаннаго къ исправленію отведеннаго ему дорожнаго участка, и лишь въ томъ случаѣ, если дорожный участокъ расположенъ отъ этого имѣнія на разстояніи болѣе 20 верстъ, строевой лѣсъ обязанъ отпускать владѣлецъ *ближайшаго* имѣнія.

Дальнѣйшее развитіе вопросъ о дорожной повинности получилъ въ 1847 г., когда было Высочайше утверждено постановленіе Остзейскаго комитета, въ силу котораго *крестьяне обязаны при всѣхъ публичныхъ постройкахъ и повинностяхъ къ подвозкѣ матеріала и поставкѣ рабочихъ, помѣщики же къ отпуску матеріала и къ уплатѣ наличныхъ денежныхъ расходовъ.* Указомъ губернскаго правленія отъ 31 марта того же года за № 1634 было разъяснено, что вышеозначенное постановленіе Остзейскаго комитета относится также къ дорожной повинности. Постановленіе Остзейскаго комитета о способѣ возведенія публичныхъ построекъ перешло также въ дѣйствующій нынѣ въ Лифляндской губерніи аграрный законъ (кр. Положеніе 1860 г., ст. 550), и хотя дорожная повинность въ упомянутой статьѣ не поименована, но и она исполняется примѣнительно къ общему правилу о способѣ возведенія публичныхъ построекъ.

Подробныя предписанія объ исполненіи дорожной повинности содержитъ въ себѣ инструкція генералъ-губернатора отъ 18 сентября 1859 г., раздѣлившая всѣ дороги, исправленіе которыхъ возложено на крестьянскія общества, на 5 классовъ, изъ которыхъ первые 3 класса отнесены къ „уѣзднымъ“, а послѣдніе 2 къ „приходскимъ“ дорогамъ, въ зависимости оттого, имѣютъ ли онѣ болѣе общее значеніе или служатъ ли онѣ болѣе мѣстнымъ (приходскимъ) надобностямъ. Распредѣленіе дорогъ между отдѣльными классами было предоставлено дворянскимъ уѣзднымъ собраніямъ (собраніямъ владѣльцевъ дворянскихъ вотчинъ даннаго уѣзда), распредѣленіе же дорожной повинности между от-

дѣльными имѣніями (съ принадлежащими къ нимъ крестьянскими обществами) производилось въ каждомъ уѣздѣ особыми комиссіями подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго депутатя (чиновника дворянства) на основаніи особыхъ правилъ, основанныхъ на сравнительной стоимости „дорожныхъ единицъ“ дорогъ разныхъ классовъ.

Примѣчаніе. Исправленіе одного аршина песчаной дороги 5-го класса считается 1 дорожною единицей, 4 класса—1 1/3 ед., 3-го класса—2 ед. и т. д. Такимъ образомъ (при помощи т. наз. вардировочной таблицы) опредѣляется общая сумма дорожныхъ единицъ, которая затѣмъ распредѣляется между имѣніями согласно оцѣночной ихъ стоимости по земскому списку 1832 г., послѣ чего каждому имѣнію (съ принадлежашимъ къ нему крестьянскимъ обществомъ) отводится соотвѣтственный дорожный участокъ.

Распредѣленіе дорогъ согласно инструкціи 1859 г. было произведено въ 1860—1863 гг., затѣмъ въ 1891 и слѣдующихъ годахъ послѣдовало новое распредѣленіе дорогъ, произведенная мѣстными (по-уѣздными) комиссіями, состоявшими изъ правительственныхъ должностныхъ лицъ и представителей дворянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ были составлены подробныя дорожныя карты съ реестрами, показывающія распредѣленіе дорогъ между отдѣльными имѣніями. Отведенный каждому имѣнію дорожный участокъ распредѣленъ въ свою очередь между дворохозяевами (собственниками и арендаторами) податной земли имѣнія.

Разница между уѣздными и приходскими дорогами, независимо отъ значенія ихъ для цѣлей сообщенія, заключается въ организаціи надзора за ихъ исправленіемъ: между тѣмъ какъ надзоръ за содержаніемъ въ исправности уѣздныхъ дорогъ возложенъ на уѣзднаго начальника и его помощниковъ, надзоръ за исправленіемъ приходскихъ дорогъ составляетъ обязанность органовъ прихода — приходскихъ попечителей и главныхъ церковныхъ попечительствъ. Распредѣленіе приходскихъ дорогъ между 4-мъ и 5-мъ классами

инструкціей 1859 г. было возложено на приходскіе конвенты и содержаніе ихъ въ исправности считается приходскою повинностью, но способъ содержанія ихъ одинаковъ съ уѣздными дорогами.

При исполненіи натуральной дорожной повинности, какъ уже указано, помѣщики отпускаютъ необходимый для исправленія дорогъ и дорожныхъ сооруженій матеріалъ и производятъ наличные расходы, уплачивая жалованье мастеровымъ, нанимаемымъ, въ случаѣ надобности, при возведеніи техническихъ сооруженій (напр. мостовъ), равнымъ образомъ они несутъ расходы за окраску дорожныхъ столбовъ, перилъ, мостовъ и. т. д. При этомъ за грантовыя ямы, находящіяся въ поляхъ и лугахъ и отчуждаемыя для полученія необходимаго гранта, помѣщики получаютъ опредѣленное вознагражденіе изъ суммъ земскихъ сбооровъ; независимо сего, съ 1896 г. они получаютъ вознаграждеиіе также за убытки, причиненные ихъ полямъ при добываніи гранта изъ удобныхъ земель. И такъ какъ земскіе сборы поступаютъ также съ крестьянской земли, то оказывается, что часть обязанностей по дорожной повинности, возложенныхъ закономъ на помѣщиковъ, переложена на крестьянъ. Стоимость же матеріала, отпускаемаго помѣщиками безвозмездпо, а равно наличные ихъ расходы совершенно незначительны по сравненію съ бременемъ, лежащимъ на крестьянахъ.

Расходы помѣщиковъ незначительны уже потому, что часть мостовъ и паромовъ въ виду ихъ конструкціи строится и содержится насчетъ дорожнаго капитала; расходы же на поставку верстовыхъ и пограничныхъ столбовъ ничтожны. По оффиціальному изслѣдованію дорожной повинности въ Лифляндіи (Яновича), на долю крестьянъ приходится 96,3% а на долю помѣщиковъ 3,7% означенной повинности.

Крестьяне-дворохозяева обязаны, при помощи содержимыхъ ими рабочихъ, подвозить матеріалъ на мѣста, строить и исправлять мосты и содержать въ исправности отведенные имъ дорожные участки, производя эти работы согласно пред-

писаніямъ инструкціи 1859 г. и указу губернскаго правленія отъ 18 октября 1891 г. за № 122.

О бремени, возложенномъ на крестьянское населеніе по исполненію дорожной повинности, мы получимъ нѣкоторое представленіе, если примемъ во вниманіе слѣдующія данныя. На каждую сажень дорожныхъ участковъ необходимо подвезти 1 возъ, а иногда и до 3 возовъ гранта (гравія), грантовыя же ямы расположены въ среднемъ не менѣе 10 верстъ, а часто въ 15—20 верстахъ и болѣе отъ исправляемыхъ участковъ, участки же находятся нерѣдко въ значительномъ разстояніи отъ крестьянскихъ дворовъ, иногда на 20 или 30 или еще болѣе верстъ. Грантъ приходится подвозить не только зимою, но, по требованію ревизующихъ дороги должностныхъ лицъ, также весною и осенью, во время полевыхъ работъ; зимою, кромѣ подвоза гранта, необходимо также чистить дороги отъ снѣжныхъ заносовъ (что требуетъ много труда и времени) и ставить вѣхи по сторонамъ дорогъ.

Во что обходится крестьянамъ натуральная дорожная повинность, опредѣляется различно. По материковой части Лифляндской губерніи отдѣльными изслѣдователями показываются суммы въ 375.393, слишкомъ 400.000, 575.000 и 1.106.393 руб. ежегодно.[1]) Эти цифры основаны на данныхъ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, но съ тѣхъ поръ рабочая сила вздорожала вдвое и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтственно повысилась денежная стоимость дорожной повинности.

При равномѣрномъ распредѣленіи дорожной повинности между мызною и крестьянскою землею, бремя этой повинности уменьшилось бы для крестьянъ на половину. Это ясно видно на примѣрѣ Лифляндіи, гдѣ по даннымъ земельной оцѣнки, произведенной въ 1904—1910 гг., оцѣночная стоимость крупнаго землевладѣнія (дворянскихъ вот-

[1]) Сумма въ 1.106.393 руб. высчитана по аналогіи съ Курляндской губерніей, гдѣ согласно свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія ревизующему сенатору Манасеину, починка дорогъ обходилась дворохозяевамъ Тальсенскаго уѣзда ежегодно до 79.000 руб.

чинъ, пасторатовъ, казенныхъ имѣній) составляетъ 51,8%, а средняго и мелкаго (крестьянскаго) 48,2% общей оцѣночной суммы.[1])

Остальныя натуральныя повинности отчасти переложены на деньги, отчасти сохранились еще въ прежнемъ видѣ. Такъ, *конно-почтовая* повинность мѣстами сохранила еще свою натуральную форму, выражаясь въ обязанности крестьянъ-хозяевъ къ поставкѣ опредѣленнаго количества фуража для почтовыхъ станцій (*почтово-фуражная повинность*) и къ подвозу дровъ и постройкѣ и починкѣ зданій конно-почтовыхъ станцій (*почтово-строительная повинность*). Дрова, необходимый строевой матеріалъ и часть фуража отпускаются помѣщиками.

Смѣшанный натурально-денежный характеръ носятъ также *церковно-приходскія повинности*, распадающіяся на двѣ группы:

1) церковно-строительную повинность, состоящую въ обязанности содержать въ исправности церковь, пасторатскія и церковныя зданія и приходскую школу; въ отбываніи этой повинности участвуютъ также помѣщики, и

2) сборы и повинности въ пользу лютеранскаго духовенства (пастора, кистера, отчасти звонаря). Эти церковные или такъ наз. „регулятивные“ сборы и повинности, отбываемые по отдѣльнымъ приходамъ весьма разнообразно и неравномѣрно даже внутри прихода, состоятъ: а) въ поставкѣ пастору и кистеру опредѣленнаго количества произведеній сельскаго хозяйства, главнымъ образомъ зерна; б) въ отбываніи конныхъ и пѣшихъ рабочихъ дней для обработки пасторатскихъ земель, и в) во взносѣ опредѣленныхъ (незна-

[1]) Оцѣночная стоимость земель материковой части Лифляндской губерніи выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ (въ процентномъ отношеніи):

дворянскія вотчины	47,47
пастораты	1,65
казенныя имѣнія	2,68
среднее и мелкое землевладѣніе	48,20

чительныхъ) денежныхъ суммъ и въ платѣ за совершеніе требъ. Размѣры этихъ сборовъ и повинностей установлены по каждому приходу „регулятивами" (списками), составленными въ 1842—1845 г.г. и утвержденными прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ. Приходящаяся на крестьянъ-хозяевъ сумма сборовъ и повинностей распредѣляется между ними волостнымъ правленіемъ согласно оцѣночной стоимости ихъ усадебъ.[1]) По своимъ *размѣрамъ* необременительные, эти сборы и повинности сопряжены однако съ значительнымъ неудобствомъ, зависящимъ не только отъ обязанности отбывать конные и пѣшіе рабочіе дни въ лѣтнее время, когда крестьянинъ-хозяинъ самъ нуждается въ рабочей силѣ для обработки своихъ полей, но и отъ невозможности равномѣрнаго распредѣленія повинностей, въ особенности конныхъ и пѣшихъ рабочихъ дней[2]), между крестьянами-хозяевами; затруднительно также, а иногда и невозможно взысканіе недоимокъ повинностей, когда напр. крестьяне обязаны къ поставкѣ дичи, которой имъ невозможно достать уже потому, что они не пользуются правомъ охоты.

Обшая сумма всѣхъ церковныхъ повинностей была опредѣлена въ 1884 г. въ 220.575 руб., изъ коихъ на мызную землю казенныхъ и частныхъ имѣній приходилось 42,7 %, а на крестьянскую (повинностную) 57,3 %.

На равныхъ основаніяхъ съ церковно-строительною повинностью отбывается *приходская повинность по содержанію приходскаго врача, постройкѣ и содержанію доктората и приходской больницы,* имѣющихся однаго не во всѣхъ приходахъ, потому что эта повинность, въ противоположность церковно-строительной, не обязательна для приходовъ. Строительныя повинности, составляющія обязанность *приходовъ*, распредѣлены между помѣщиками и крестьянами-хозяевами

[1]) Денежные сборы вносятся плательщиками въ кассу волостного правленія, которое препровождаетъ поступившія суммы церковному попечителю для передачи ихъ пастору.

[2]) Конные и пѣшіе дни въ настоящее время замѣнены въ большинствѣ случаевъ денежными взносами.

такимъ образомъ, что помѣщики отпускаютъ строевой матеріалъ и несутъ наличные денежные расходы, крестьяне же обязаны къ подвозкѣ матеріала и исполненію строительныхъ работъ, имѣя право посылку рабочихъ замѣнить денежными взносами.

Переложеніе бремени общественныхъ повинностей на крестьянское населеніе проявляется также въ другомъ отношеніи, — въ томъ, что *помѣщикъ не несетъ никакихъ расходовъ на волостныя общественныя надобности*, несмотря на то, что волостную школу посѣщаютъ также дѣти мызныхъ рабочихъ и забота о содержаніи мызныхъ рабочихъ, въ случаѣ ихъ старости или инвалидности, лежитъ на обязанности крестьянской волости. Такое положеніе дѣла объясняется тѣмъ, что помѣщикъ не является членомъ волостного общества и мызная земля, составляя самостоятельный мызный округъ, не включена въ территорію волости; проживающіе же на мызной землѣ рабочіе являются членами крестьянскаго волостного общества, организованнаго по системѣ не столько мѣстожительства, сколько приписки. Такія отношенія между крестьянскою волостью и помѣщикомъ существуютъ во всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ.

---

3. Дворянско-вотчинныя права или привилегіи.

Прибалтійскіе крестьяне пріобрѣли поземельную собственность изъ состава земскихъ имѣній, которыя въ Лифляндіи, на островѣ Эзелѣ и въ Эстляндіи раздѣляются на слѣдующіе разряды:[1])

1) имѣнія казенныя или государственныя имущества;

2) дворянскія вотчины (Rittergüter);

3) имѣнія, принадлежащія дворянскимъ, городскимъ или другимъ обществамъ и сословіямъ, а также благотворительнымъ и инымъ заведеніямъ и учрежденіямъ (Ritterschaftsgüter, Stadtgüter, Corporationsgüter, Stiftungsgüter);

---

[1]) Ст. 597 Свода мѣстн. узак. губ. остз., часть III.

4) пасторатъ и другія церковныя имѣнія и земли;

5) отдѣльные, не составляющіе цѣлой вотчины поземельные участки (Landstellen, Gutsabteilungen). [1])

Крестьянская земля *казенныхъ* имѣній въ Прибалтійскомъ краѣ перешла въ собственность крестьянъ посредствомъ *обязательнаго выкупа* на основаніи законовъ 10 марта 1869 г. и 12 іюня 1886 г., равнымъ образомъ къ продажѣ крестьянской земли имѣній, Всемилостивѣйше пожалованныхъ дворянскимъ обществамъ прибалтійскихъ губерній, примѣняется принципъ обязательнаго выкупа согласно закону 6 іюня 1912 г.

Крестьянская же земля *дворянскихъ вотчинъ* переходила въ крестьянскую собственность на основаніи *свободнаго договора* или *добровольныхъ соглашеній* между продавцомъ и покупателемъ поземельнаго участка. Въ противоположность обязательному выкупу, при примѣненіи принципа свободнаго договора не устанавливается ни обязательности продажи участковъ, ни нормировки покупныхъ цѣнъ, и главнымъ образомъ этимъ и объясняется, что еще въ 1905 г. 11,37% крестьянской земли дворянскихъ вотчинъ материковой части Лифляндской губерніи находились въ арендномъ содержаніи. Отчасти это явленіе объясняется также тѣмъ, что въ фидейкоммисныхъ имѣніяхъ крестьянская земля не могла быть отчуждаема безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія (согласно мѣстному земскому праву, въ Лифляндіи въ фидейкоммисныхъ имѣніяхъ продажа крестьянскихъ участковъ допускалась лишь тогда, когда это не было запрещено учредительнымъ актомъ). Закономъ же 25 іюня 1912 г. продажа крестьянской земли фидейкоммисныхъ имѣній допущена на основаніяхъ постановленій крестьянскихъ

[1]) Отдѣленныя отъ настоящихъ вотчинъ земли обозначаются отдѣльными земскими участками (Landstellen oder Landstücke). Они могутъ состоять или изъ однѣхъ господскихъ, или изъ однѣхъ кр. земель, или же совокупно изъ тѣхъ и другихъ; причемъ эти составныя части сохраняютъ прежнее свое наименованіе и свойство, независимо отъ званія новыхъ пріобрѣтателей (ст. 610, 611 Свода мѣстн. узак. губ. остз., ч. III).

Положеній и правилъ, касающихся продажи крестьянской земли, т. е. путемъ свободнаго договора.

Непроданными остаются также крестьянскіе участки пасторатовъ, для отчужденія коихъ требовалось особое Высочайшее разрѣшеніе (внесенный правительсвомъ въ Государственную Думу законопроектъ о продажѣ крестьянской земли пасторатовъ не получилъ еще силу закона).

Если такимъ образомъ замѣчается значительная разница въ *способѣ пріобрѣтенія* крестьянами поземельной собсвенности въ казенныхъ имѣніяхъ, съ одной стороны, и въ дворянскихъ вотчинахъ—съ другой, то такая же разница видна также въ *способѣ пользованія* земельными участками тѣмъ и другимъ разрядомъ крестьянъ-собственниковъ, потому что крестьяне, владѣющіе поземельными участками, выдѣленными изъ состава дворянскихъ вотчинъ, стѣснены въ своей хозяйственной дѣятельности не толко т. наз. *дворянско-вотчинными правами* или привилегіями, но и условіями купчихъ контрактовъ.

Именно, дворянской вотчинѣ по закону присвоены особыя права, которыя исключительно принадлежатъ вотчинѣ и не могутъ быть передаваемы ни арендаторамъ, ни собственникамъ поземельныхъ участковъ повинностной земли.[1]) Равнымъ образомъ вотчинныя права не могутъ перейти на отдѣляемый участокъ мызной земли, за исключеніемъ того случая, когда изъ состава дворянской вотчины законнымъ порядкомъ учреждена новая дворянская вотчина.[2])

Дворянскими вотчинами въ Лифляндіи признаются тѣ земскія имѣнія, которыя внесены въ мѣстные земскіе списки (Landrollen) и ипотечныя книги подъ названіемъ имѣній вообще или же земскихъ и дворянскихъ имѣній (Güter, Landgüter, adelige Güter).[3])

---

[1]) § 159 и 253 кр. Пол. 1849 г. и ст. ст. 134 и 220 кр. Пол. 1860 г.

[2]) Ст. 883 Свода мѣстн. узак. губ. остз., ч. III; кр. Полож. 1860 г., введеніе п. VI, ст. ст. 52 и 220.

[3]) Ст. 599 Св. мѣстн. узак. губ. остз., ч. III.

Мызная земля является необходимою составною частью дворянской вотчины. Обыкновенно дворянская вотчина состоитъ изъ мызной и повинностной земли, но послѣдняя не является необходимою составною частью дворянской вотчины. (Въ настоящее время повинностной земли не имѣется у 24 дворянскихъ вотчинъ; въ 9 изъ нихъ крестьянская земля была присоединена помѣщиками къ мызнымъ полямъ въ 1819—1846 гг.)

Дворянская вотчина, съ которой сопряжены дворянскія помѣстныя права, должна заключать въ себѣ не менѣе 900 лофштелей (306 дес.), кромѣ водъ, болотъ и иныхъ неудобныхъ пространствъ. Въ числѣ этихъ 900 лофштелей должно быть не менѣе 300 лофштелей (102 дес.) нашни. Ни одна дворянская вотчина не можетъ быть раздробляема, посредствомъ продажи или раздѣла, ниже установленаго минимальнаго размѣра. Всякій актъ, клонящійся къ уменьшенію ея состава ниже этого минимума, признается недѣйствительнымъ. Въ виду этого, въ случаѣ отчужденія отдѣльныхъ участковъ изъ числа крестьянскихъ или мызныхъ земель, коренное имѣніе должно сохранить установленный для дворянскихъ вотчинъ минимальный размѣръ.[1]) Однако это ограниченіе права дробленія дворянскихъ вотчинъ относится только до *мызной*, а не до повинностной земли, участки которой помѣщикъ вправѣ отчуждать также въ томъ случаѣ, если бы отъ этого составъ дворянской вотчины уменьшился ниже установленнаго минимума[2]).

Дворянскія вотчины составляютъ преобладающее большинство въ общемъ числѣ земскихъ имѣній[3]) и принадлежатъ

---

[1]) П. п. VII и VIII кр. Полож. 1849 и 1860 г. г.; § 123 кр. Полож. 1849 г., ст. 98 кр. Полож. 1860 г.; ст. 602, 605, 606 Свода мѣстн. узак. губ. остз., ч. III.

[2]) Указъ Лифляндскаго губ. правл. 7 февраля 1868 г. № 8.

[3]) На материковой части Лифляндской губерніи имѣется 729 дв. вотчинъ, 95 казенныхъ имѣній, 106 пасторатовъ и 55 патримоніальныхъ имѣній и участковъ.

преимущественно (около 75%) нѣмецкимъ дворянамъ, записаннымъ въ мѣстную матрикулу (дворянскую родословную книгу).

Дворянско-вотчинныя права имѣютъ отчасти хозяйственное, отчасти соціально-политическое значеніе. Они указаны какъ въ спеціальныхъ законахъ для прибалтійскихъ крестьянъ (крестьянскихъ Положеніяхъ), такъ и въ мѣстномъ земскомъ правѣ—Сводѣ мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ (часть III).

Согласно мѣстному земскому праву, собственнику дворянской вотчины въ Лифляндіи и Эстляндіи и на островѣ Эзелѣ, независимо отъ его званія, присвоены слѣдующія особыя права:[1])

1) право винокуренія, пивоваренія и продажи хлѣбнаго вина, пива и съѣстныхъ припасовъ, а также право заводить и содержать корчмы и шинки, согласно съ существующими о томъ постановленіями;

2) право учреждать въ предѣлахъ имѣнія мѣстечки и открывать, установленнымъ для сего порядкомъ, рынки и ярмарки;

3) право вотчинной въ имѣніи полиціи на основаніи правилъ крестьянскихъ Положеній.

Въ Лифляндіи къ дворянско-вотчиннымъ правамъ принадлежитъ также *право охоты*, которое при продажѣ крестьянскаго участка, впредь до изданія особаго о ней для прибалтійскихъ губерній устава, не переходитъ къ покупателю.[2])

Примѣчаніе. До 1871 г. къ дворянско-вотчиннымъ правамъ принадлежало также мельничное право, состоявшее въ исключительномъ правѣ помѣщиковъ устраивать и содержать водяныя, вѣтряныя, ходовыя (ступальныя) и конныя мельницы. Это право было отмѣнено уже лифляндскимъ кр. Положеніемъ 1860 г., въ которомъ

---

[1]) Ст. 883 Св. мѣстн. уз. губ. остз., ч. III.

[2]) Прим. къ ст. 220 кр. Полож. 1860 г., ст. 883 Св. мѣсти. узак., губ. остз., ч. III.

оно не упомянуто, но такъ какъ оно по недосмотру значилось въ III ч. Свода мѣстн. узаконеній губерній остзейскихъ, изд. 1864 г., то оно въ дѣйствительности сохранило свою силу и было совершенно и безусловно отмѣнено лишь въ 1871 г., не только въ Лифляндіи, но и въ остальныхъ частяхъ Прибалтійскаго края (Высочайше утвержденное 26 февраля 1871 г. положеніе Остзейскаго комитета). Съ этого времени лифл. помѣщикъ, отчуждая крестьянскій участокъ, могъ сохранить за собою мельничное право лишь частно-правовымъ путемъ, включая въ купчій контрактъ условіе, запрещающее устройство мельницъ на продаваемомъ участкѣ и обозначая, согласно ст. 53 кр. Положенія 1860 г., въ чемъ именно состоитъ равноцѣнное вознагражденіе за запрещеніе устройства мельницы (ср. указъ Прав. Сената отъ 19 марта 1914 г.).

Особыя права, принадлежащія собственнику дворянской вотчины въ *Курляндіи*, независимо отъ его званія, слѣдующія:[1])

1) право рыбной ловли, охоты и вообще звѣриной ловли на земляхъ и въ лѣсахъ и водахъ имѣнія;

2) право винокуренія и пивоваренія, а также право заводить и содержать корчмы и шинки для продажи хлѣбнаго вина, пива и другихъ напитковъ и съѣстныхъ припасовъ, соотвѣтственно дѣйствующимъ о томъ постановленіямъ;

3) право заводить въ предѣлахъ имѣнія фабрики и учреждать ярмарки, установленнымъ на то порядкомъ.

Съ теченіемъ времени поименованныя въ мѣстномъ земскомъ правѣ дворянско-вотчинныя привилегіи подвергались нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ, напр., съ введеніемъ казенной продажи питей (въ 1900 г.) дворянско-вотчинное право *продажи хлѣбнаго вина* было отмѣнено, такъ какъ право продажи вина перешло къ казнѣ, причемъ помѣщики

---

[1]) Ст. 892 Св. мѣстн. уз. губ. остз., ч. III.

Прибалтійскаго края, не въ примѣръ помѣщикамъ внутреннихъ губерній, получили отъ казны 9 милліоновъ руб. въ вознагражденіе за отмѣну ихъ привилегіи продажи хлѣбнаго вина. Съ отмѣной этой привилегіи доходы помѣщичьихъ корчемъ, однако, не уменьшились, а скорѣе возросли вслѣдствіе увеличенія продажи въ нихъ пива, изготовляемаго на помѣщичьихъ пивоваренныхъ заводахъ. — Съ начала великой міровой войны была запрещена продажа крѣпкихъ напитковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекращена продажа пива также въ помѣщичьихъ корчмахъ. Надо полагать, что она никогда болѣе и не возобновится и что дворянско-водчинная привилегія винокуренія, пивоваренія и шинкарства будетъ ликвидирована навсегда.

Эта привилегія, принесшая крестьянскому населенію много горя и бѣды, останется навсегда достопамятной въ исторіи Прибалтійскаго края въ качествѣ особой формы эксплоатаціи крестьянъ помѣщиками. Послѣдніе, покрывъ край цѣлою сѣтью корчемъ и не обращая вниманія на развращающее ихъ дѣйствіе, собирали съ крестьянскаго населенія обильную дань, поддерживая такимъ образомъ свое благосостояніе насчетъ благополучія потребителей крѣпкихъ напитковъ. Даже въ Государственномъ Совѣтѣ представители нѣмецкаго дворянства съ усердіемъ, достойнымъ болѣе благородной цѣли, отстаивали (въ началѣ 1914 г.) дворянско-вотчинную привилегію шинкарства, оспаривая примѣненіе къ Прибалтійскому краю той статьи принятаго Государственною Думою законопроекта о борьбѣ съ пьянствомъ, которая предоставляетъ крестьянскимъ волостнымъ обществамъ право сдѣлать постановленія о закрытіи питейныхъ заведеній, расположенныхъ на мызной землѣ. Представители нѣмецкаго дворянства въ Государственномъ Совѣтѣ доказывали, что закрытіе крестьянскими обществами помѣщичьихъ корчемъ, расположенныхъ на мызной землѣ, было бы нарушеніемъ правъ частной собственности, и дѣйствительно, имъ удалось склонить большинство Государственнаго Совѣта на свою сторону. Формальныя соображенія, основанныя на

давно отжившихъ свой вѣкъ дворянско-вотчинныхъ привилегіяхъ и прикрывающія грубые матеріальные интересы прибалтійскихъ помѣщиковъ, рѣшеніемъ Государственнаго Совѣта были поставлены выше благосостоянія, хозяйственнаго и нравственнаго подъема населенія цѣлой окраины Россійской Имперіи!

Какихъ размѣровъ достигло за послѣдніе годы производство и потребленіе крѣпкихъ напитковъ въ Прибалтійскомъ краѣ, показываютъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ 1910 г. въ Лифляндской губ. были въ дѣйствіи 81 пивоваренный заводъ, изъ нихъ 20 въ городахъ, а 61 въ уѣздахъ. Выварено приблизительно 6.777.000 ведеръ пива, изъ коихъ потреблено на мѣстѣ 4.944.000 ведеръ, что составляетъ на одного жителя Лифляндской губерніи 3,8 ведра; остальное количество вываренаго пива вывезено въ другія губерніи. Мѣстное же потребленіе вина и спирта выразилось въ 1910 г. въ 1.055.194,4 ведра (въ 40°), что составляетъ на одного жителя 0,81 ведра. Въ операціонный періодъ 1909/10 г. (съ 1 іюля 1909 г. по 1 іюля 1910 г.) было въ дѣйствіи 94 винокуренныхъ и 3 дрожжево-винокуренныхъ завода, выработавшихъ 91.371.313° спирта. Разныхъ водочныхъ издѣлій изготовлено на 15 заводахъ 58.225,85 ведра.

Дворянско-вотчинное право питейной продажи имѣло иногда совершенно неожиданныя и весьма непріятныя послѣдствія для лицъ, такъ или иначе приходившихъ въ соприкосновеніе съ этимъ правомъ. Въ Курляндской губерніи, напр., помѣщикъ продаетъ участокъ мызной земли съ расположенной на немъ корчмой, уступая вмѣстѣ съ тѣмъ покупателю право питейной продажи, причемъ высокая покупная сумма обусловлена именно передачею этого права покупателю. Послѣдній однако не имѣетъ возможности открыть питейной торговли, потому что Акцизное Управленіе, ссылаясь на принадлежащее исключительно владѣльцу дворянской вотчины право производить продажу питей, отказываетъ покупателю корчмы въ выдачѣ разрѣшенія на производство торговли. Такимъ образомъ означенное дворянско-

вотчинное право причинило покупателю корчмы значительные убытки и потери. Подобныхъ случаевъ было въ Курляндской губерніи нѣсколько.

Что касается дворянско-вотчиннаго права *охоты,* то на *Лифляндскую* и *Эстляндскую* губерніи былъ распространенъ общій законъ объ охотѣ отъ 3 февраля 1892 г. (Св. Зак., т. XII, ч. II, ст. 335), согласно которому право охоты на крестьянскихъ земляхъ принадлежитъ крестьянскимъ волостнымъ обществамъ; отдѣльные же крестьяне и посторонніе лица пользуются правомъ охоты на означенныхъ земляхъ не иначе, какъ по составленнымъ установленнымъ порядкомъ приговорамъ крестьянскихъ обществъ. Однако въ этомъ законѣ не было оговорено, что съ изданіемъ его отмѣняется прим. къ ст. 220 кр. Полож. 1860 г. и ст. 883 Св. мѣстн. узак., и вслѣдствіе этого общій законъ объ охотѣ не могъ быть примѣненъ къ *дворянскимъ вотчинамъ* Лифляндской губерніи, такъ какъ указомъ Прав. Сената отъ 7 февраля 1894 г. было разъяснено, что вышеозначенныя примѣчаніе и статья мѣстныхъ узаконеній не могутъ быть признаны потерявшими свое значеніе и остаются въ силѣ также послѣ изданія закона объ охотѣ отъ 3 февраля 1892 г. Такимъ образомъ въ дворянскихъ вотчинахъ было сохранено дворянско-вотчинное право охоты, въ силу котораго крестьяне не вправѣ охотиться на собственныхъ земляхъ, гдѣ можетъ охотиться лишь помѣщикъ. (Это право, какъ и право рыбной ловли, было сохранено помѣщиками за собою также при продажѣ крестьянскихъ участковъ и включено въ условія купчихъ контрактовъ).

Равнымъ образомъ въ *Курляндской* губерніи въ дворянскихъ имѣніяхъ сохранилось до сихъ поръ дворянско-вотчинное право охоты и помѣщикъ пользуется исключительнымъ правомъ охоты не только на мызныхъ, но и на крестьянскихъ земляхъ имѣнія. Въ виду этого крестьянинъ не вправѣ охотиться на своей землѣ, помѣщикъ же свободно можетъ производить охоту на крестьянскихъ поляхъ, не стѣсняясь опустошеніемъ посѣвовъ (происшедшіе убытки

однако онъ обязанъ возмѣстить). Такое положеніе дѣла отражается весьма невыгодно на крестьянскихъ хозяйствахъ еще потому, что крестьяне не имѣютъ возможности защищать свои поля и сады отъ лѣсныхъ звѣрей, причиняющихъ иногда значительные убытки. Такъ, напр., зайцы повреждаютъ зимою плодовыя деревья, разводимые же помѣщинами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Курляндіи олени и кабаны повреждаютъ крестьянскіе посѣвы. И хотя защита собственныхъ садовъ отъ повреждающихъ ихъ лѣсныхъ звѣрей, согласно разъясненію Прав. Сената, не можетъ считаться самовольною охотою, но крестьяне, не получая разрѣшенія на ношеніе оружія, не въ состояніи защитить своихъ садовъ и огородовъ. Курьезенъ, но дѣйствителенъ фактъ, что крестьяне не могутъ защищать своихъ полей даже отъ повреждающихъ ихъ птицъ, напр. воронъ. — Въ *казенныхъ* имѣніяхъ Курляндской губерніи сначала правомъ охоты пользовались представители казны, но въ 1877 г. на Курляндскую губернію были распространены правила объ охотѣ для губерній Царства Польскаго, изложенныя въ уставѣ о сельскомъ хозяйствѣ, въ виду чего право пользованія охотою, звѣриной и рыбной ловлей на всемъ пространствѣ земель, пріобрѣтенныхъ крестьянами, принадлежащими къ одному волостному обществу, не составляетъ отдѣльнаго права каждаго изъ нихъ, а цѣлаго сельскаго общества, которое можетъ передать это право отдѣльнымъ лицамъ (ст. 196, 197). Лица же, владѣющія не-крестьянскою землею, пользуются правомъ производить охоту при наличіи опредѣленнаго условія, именно въ случаѣ владѣнія ими въ одной окружной межѣ не менѣе 150 десят. земли, причемъ владѣльцы нѣсколькихъ сосѣднихъ поземельныхъ участковъ, составляющихъ въ одной окружной межѣ не менѣе 150 десятинъ, могутъ объединиться съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ нихъ пользовался правомъ охоты на ихъ участкахъ; это право можетъ быть передано ими за извѣстную плату также постороннему лицу (ст. 194, 195). Къ сельскимъ обществамъ, члены которыхъ владѣютъ крестьянскими участками, выдѣленными изъ состава дворянскихъ

вотчинъ, содержащіяся въ уставѣ о сельскомъ хозяйствѣ правила объ охотѣ не могутъ быть примѣнены, потому что за помѣщиками, какъ уже указано, было сохранено дворянско-вотчинное право охоты.

Такимъ образомъ въ Курляндской губерніи, какъ и въ Лифляндской, общій законъ объ охотѣ имѣетъ силу лишь въ казенныхъ и тѣхъ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, которыя не принадлежатъ къ разряду дворянскихъ вотчинъ, а также на крестьянскихъ земляхъ имѣній, Всемилостивѣйше пожалованныхъ дворянскимъ обществамъ прибалтійскихъ губерній, потому что въ силу закона 6 іюня 1912 г. о выкупѣ крестьянской земли означенныхъ имѣній, дворянскія общества теряютъ право охоты на выкупаемыхъ крестьянскихъ участкахъ.

Сохраненіемъ помѣщиками за собою права рыбной ловли объясняется то на первый взглядъ странное явленіе, что въ водныхъ пространствахъ (озерахъ и рѣкахъ), расположенныхъ среди крестьянскихъ владѣній, могутъ ловить рыбу не крестьяне, а лишь помѣщикъ или предприниматель-откупщикъ, которому помѣщикъ уступитъ принадлежащее ему право рыбной ловли.

Устройство *мелочныхъ лавокъ съ продажею съѣстныхъ припасовъ* разрѣшается помѣщиками также на крестьянской землѣ, хотя ихъ привилегія продажи съѣстныхъ припасовъ формально не отмѣнена.

Большое экономическое значеніе имѣетъ привилегія *учреждать мѣстечки* и *открывать рынки и ярмарки*, а въ Курляндской губерніи также право устраивать *фабрики*.

Право учреждать мѣстечки и открывать рынки и ярмарки, предоставляетъ помѣщику большія матеріальныя выгоды. Тамъ, гдѣ учреждаются мѣстечки, повышается земельная рента, и помѣщикъ имѣетъ возможность пользоваться выгодами отъ незаслуженнаго прироста въ цѣнности земли, достигающаго иногда весьма значительныхъ размѣровъ. Въ мѣстечкахъ и мызахъ обыкновенно сосредоточивается торговая и промышленная жизнь и помѣщикъ получаетъ до-

ходы въ видѣ арендной платы за торговыя помѣщенія или промышленныя предпріятія. Учрежденіе же въ мызахъ и мѣстечкахъ или вблизи нихъ рынковъ или ярмарокъ привлекаетъ въ эти мѣста много народу и содѣйствуетъ такимъ образомъ увеличенію оборотовъ въ торговыхъ заведеніяхъ, что отразилось особенно выгодно на помѣщичьихъ корчмахъ. Независимо сего, за отведенное подъ ярмарку мѣсто помѣщики взимаютъ особую плату за каждый возъ.

Дворянскія привилегіи распространяются также на морскіе берега и самое море.

По общему правилу (ст. 1011 Св. мѣстн. узак., ч. III), море, Чудское и Псковское озера и шесть такъ называемыхъ вольныхъ озеръ въ Курляндіи (Дурбенское, Вильгальнское, Ангернское, Усмайтенское, Либавское и Деггергофское) не составляютъ ни чьей частной собственности и предоставляются каждому въ свободное пользованіе. Однако въ Лифляндіи и Эстляндіи помѣщикъ пользуется исключительнымъ правомъ рыбной ловли на протяженіи трехъ верстъ отъ морского берега (далѣе отъ берега можетъ ловить рыбу, свободно и безпрепятственно, и каждое постороннее лицо, фактически однако это право ни кѣмъ не можетъ быть использовано, кому помѣщикъ не сдастъ въ аренду или не продастъ прибрежнаго участка земли). Такимъ же правомъ пользуются также владѣльцы прибрежныхъ имѣній у Чудского и Псковского озеръ, гдѣ объ ограниченіи рыбной ловли существуютъ еще особыя правила, изложенныя въ уставѣ о сельскомъ хозяйствѣ. Насколько вредно такое положеніе дѣла отзывается на развитіи рыбнаго промысла, препятствуя раціональной его постановкѣ и организаціи, понятно само собою. Хорошо еще, если принадлежащее ему право рыбной ловли помѣщикъ передаетъ, за извѣстное вознагражденіе, мѣстнымъ рыбакамъ; но если онъ переуступаетъ таковое какому нибудь предпринимателю-откупщику, то мѣстнымъ рыбакамъ приходится работать больше въ пользу послѣдняго, чѣмъ въ свою собственную. Случается

также, что нѣкоторые рыбаки вовсе не получаютъ отъ предпринимателя права рыбной ловли, чѣмъ ставятся въ безвыходное положеніе.

По берегамъ моря и вышеозначенныхъ большихъ, не составляющихъ частной собственности озеръ, а также судоходныхъ и такихъ рѣкъ, по которымъ сплавляется лѣсъ, прибрежные собственники должны оставить соотвѣтственное пространство свободнымъ, незасѣяннымъ и незасаженнымъ, подъ бечевникъ для судоходцевъ и сплавщиковъ (ст. 1028 Св. м. уз. губ. остз., ч. III). Однако исключеніе изъ этого правила составляетъ Эстляндская губернія, гдѣ собственники имѣній, находящихся у морскихъ береговъ, не имѣютъ обязанности оставлять свободнымъ бечевникъ, и вправѣ пользоваться всѣмъ прибрежьемъ неограниченно и исключительно (ст. 1029). Такое береговое право помѣщиковъ, разумѣется, не можетъ не препятствовать возникновенію и развитію судоходства. Такъ, напр., крестьяне Везенбергскаго уѣзда, построившіе было шкуны для каботажнаго судоходства, должны были отказаться отъ своего намѣренія, потому что помѣщики не допускали перевозку шкунъ черезъ принадлежащую имъ прибрежную полосу.

До 1866 г. къ дворянско-вотчиннымъ правамъ принадлежало также право вотчинной въ имѣніи полиціи, на основаніи правилъ крестьянскихъ положеній (ст. 883 Св. мѣстн. узак., ч. III), въ настоящее же время помѣщикамъ предоставлено *право вотчинной или мызной полиціи* лишь въ предѣлахъ мызной земли. Въ виду этого административно-полицейская власть волостного старшины и его помощниковъ не распространяется на мызный округъ,[1]) гдѣ

[1]) Въ Лифляндской губерніи власть волостной администраціи распространяется по нѣкоторымъ дѣламъ также на проданные участки квотной и неподатной мызной земли. Съ другой стороны, дворохозяева квотныхъ участковъ (собственники и арендаторы съ утвержденными арендными контрактами) пользуются всѣми правами по крестьянскому общественному самоуправленію наравнѣ съ дворохозяевами крестьянской (повинностной) земли.

кромѣ чиновъ общей полиціи нѣкоторыя полицейскія обязанности исполняетъ помѣщикъ или уполномоченный имъ замѣститель, которые однако не могутъ быть понуждаемы къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, такъ какъ губернское правленіе, согасно указу Прав. Сената отъ 17 ноября 1911 г. за № 12791, не вправѣ сдѣлать даже выговоръ помѣщику и его замѣстителю за неисполненіе ими полицейскихъ обязанностей.

Упоминаемое въ лифляндскомъ крестьянскомъ Положеніи дворянско-вотчинное *право голоса на ландтагахъ* (обще-губернскихъ съѣздахъ дворянства), уѣздныхъ собраніяхъ дворянства, приходскихъ и станціонныхъ конвентахъ, имѣетъ чрезвычайно важное соціально-политическое значеніе. Это право находится въ тѣсной связи съ организаціей мѣстныхъ дворянскихъ обществъ (лифляндскаго, курляндскаго, эстляндскаго и эзельскаго), посредствомъ которой нѣмецкое матрикулованное дворянство сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ *завѣдываніе земскимъ хозяйствомъ* и распространяетъ свое вліяніе на *евангелическо-лютеранскую церковь* въ Прибалтійскомъ краѣ. Но прежде чѣмъ разсматривать организацію прибалтійскихъ дворянскихъ обществъ, необходимо остановиться еще на нѣкоторыхъ дворянскихъ привилегіяхъ въ аграрномъ дѣлѣ.

4. Преимущества мызной земли, установленныя частно-правовымъ путемъ.

Не довольствуясь привилегіями, узаконенными мѣстнымъ гражданскимъ правомъ, лифляндскіе помѣщики установили для себя еще новыя *частно-правовымъ путемъ*: при продажѣ крестьянскихъ участковъ они включили во многихъ случаяхъ въ купчіе контракты условіе, запрещающее устройство на проданномъ участкѣ торговыхъ или промышленныхъ заведеній. Въ этихъ случаяхъ собственники крестьянскихъ участковъ не вправѣ устраивать на своей землѣ даже такихъ промышленныхъ предпріятій, которыя непо-

средственно связаны съ сельско-хозяйственнымъ промысломъ какъ напр. мельницы, кирпичные или известковые заводы, шерсточесальни и прядильни и т. д. Защищая свои собственныя предпріятія, устроенныя на мызной землѣ, отъ конкуренціи крестьянъ, помѣщики вмѣстѣ съ тѣмъ препятствуютъ развитію промышленности въ краѣ во вредъ всему населенію. И хотя устройство указанныхъ предпріятій не принадлежитъ къ числу дворянско-вотчинныхъ правъ или привилегій, предусмотрѣнныхъ закономъ, крестьянамъ до сихъ поръ не удалось добиться судебнымъ порядкомъ права устраивать таковыя на своей землѣ, потому что они запрещены купчими контрактами.

Итакъ, право пользованія поземельными участками, перешедшими въ собственность лифляндскихъ крестьянъ, ограничено для послѣднихъ двоякаго рода преимуществами, присвоенными мызной землѣ:

1) дворянско-вотчинными правами или привилегіями, которыя *по закону* не могутъ быть передаваемы владѣльцамъ крестьянскихъ участковъ, и

2) правами, сохраненными помѣщикомъ за собою *частно-правовымъ путемъ*, въ силу купчихъ контрактовъ на крестьянскіе участки.

Для дѣйствительности второго рода помѣщичьихъ правъ требуется, чтобы въ купчихъ контрактахъ было обозначено равноцѣнное вознагражденіе покупателю за права, удержанныя за собой продавцомъ.[1])

Въ 1914 г. послѣдовало разъясненіе Прав. Сената о томъ, что условіе купчаго контракта, устанавливающее частно-правовымъ путемъ исключительныя помѣщичьи права, теряетъ свое значеніе, если въ контрактѣ не соблюдено вышеуказанное требованіе закона (указъ отъ марта 1914 г.). Дальнѣйшимъ разъясненіемъ Прав. Сената (отъ апрѣля

[1]) Ст. 53 и 54 кр. Полож. 1860 г. На сохраненіе за собою дворянско-вотчинныхъ правъ или привилегій, предусмотрѣнныхъ закономъ, помѣщики могутъ указать въ купчихъ контрактахъ, не обращая вниманія на ст. 53 и 54 кр. Положенія 1860 г. (указъ Прав. Сената отъ марта 1914.).

1914 г.) опредѣлено, что въ купчихъ контрактахъ должно быть объяснено, въ чемъ именно состоитъ уменьшеніе покупной цѣны за каждое въ отдѣльности право, сохраненное помѣщикомъ за собою, или за повинность въ пользу помѣщика, имѣнія или общества, возложенную на покупателя крестьянскаго участка; общая оговорка покупателя, что онъ отказывается отъ всякаго дальнѣйшаго вознагражденія, недостаточна. И такъ какъ въ купчихъ контрактахъ это требованіе не соблюдено (въ нихъ помѣщено лишь заявленіе, что вознагражденіе за запрещеніе устраивать промышленныя заведенія принято въ расчетъ при опредѣленіи покупной суммы), то дворохозяева-собственники, согласно смыслу разъясненія Прав. Сената, вправѣ строить на своихъ участкахъ мельницы и другія промышленныя заведенія, не стѣсняясь запрещеніемъ купчихъ контрактовъ.

Условія купчихъ контрактовъ, запрещающія устройство промышленныхъ предпріятій на крестьянскихъ участкахъ, противорѣчатъ также публичному праву. Развитіе промышленности несомнѣнно входитъ въ область *государственныхъ* интересовъ и не можетъ быть ограничено частно-правовымъ путемъ; нигдѣ въ мірѣ, кромѣ Прибалтійскаго края, оно и не ограничивается частными лицами. Въ виду этого указанныя условія купчихъ контрактовъ должны быть безусловно признаны незаконными и не имѣющими силы.

Выше было уже указано, что прибалтійскіе помѣщики сохранили за собою, при продажѣ крестьянскихъ участковъ, исключительное право охоты и рыбной ловли, въ виду чего въ Лифляндской и Курляндской губерніяхъ общіе законы объ охотѣ оказываются на крестьянскихъ земляхъ дворянскихъ вотчинъ недѣйствительными по двумъ причинамъ: 1) вслѣдствіе сохраненія въ силѣ дворянско-вотчиннаго права охоты и 2) вслѣдствіе сохраненія помѣщиками за собою права охоты при продажѣ крестьянскихъ участковъ.

Въ Лифляндіи право собственности владѣльцевъ крестьянскихъ участковъ ограничено еще постановленіемъ крестьянскаго Положенія, въ силу котораго помѣщикъ вправѣ во

всѣхъ сданныхъ въ аренду или проданныхъ участкахъ помѣстья произвести экспропріацію земель, за извѣстное вознагражденіе, въ цѣляхъ проведенія каналовъ, дорогъ, рвовъ и т. п., для спуска воды или для искусственнаго орошенія, или для устройства сухопутныхъ или водяныхъ сообщеній. Предварительно однако помѣщикъ обязанъ доказать въ подлежащемъ присутственномъ мѣстѣ какъ необходимость и пользу предполагаемаго имъ сооруженія, такъ и необходимость экспропріаціи земли, притомъ въ предположенномъ имъ размѣрѣ. Если между прикосновенными сторонами не состоялось полюбовной сдѣлки о размѣрѣ вознагражденія, слѣдующаго владѣльцу отбираемаго участка, то судебною властью производится законнымъ порядкомъ оцѣнка отчуждаемаго имущества.[1]) Необходимость отчужденія крестьянской земли по требованію вотчинника и количество причитающагося за отчуждаемое имущество вознагражденія опредѣляется мѣстнымъ, по нахожденію имущества, Окружнымъ судомъ.

Итакъ мы видимъ, что крестьяне-хозяева не только обременены публичными повинностями, главнымъ образомъ дорожной, но и стѣснены въ своей хозяйственной дѣятельности какъ дворянско-вотчинными привилегіями, такъ и условіями купчихъ договоровъ.

Начиная съ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія лифляндское нѣмецкое дворянство, какъ уже было указано выше, стремилось къ опредѣленной цѣли—созданію верхняго слоя крестьянскаго населенія, долженствовавшаго содѣйствовать сохраненію за помѣщиками ихъ экономическаго и соціально-политическаго преобладанія. Является вопросъ, оправдались ли расчеты лифляндскаго дворянства, имѣвшіеся имъ въ виду при составленіи проекта аграрнаго закона ? Въ своихъ расчетахъ оно, очевидно ошиблось: пронесшаяся въ 1905 г. буря, въ основѣ которой лежали неупорядоченныя аграрныя отношенія, ясно показала всю противоположность интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ, съ одной стороны, и остального сельскаго населенія—съ другой. Тяжелое и необезпеченное положеніе

[1]) Ст. 42, 43, 44 кр. Полож. 1860 г.

арендаторовъ поземелныхъ участковъ какъ мызной и квотной, такъ и повинностной земли; переложеніе общественныхъ повинностей (въ особенности дорожной) на крестьянъ—собственниковъ и арендаторовъ податной земли; ограниченіе права собственности владѣльцевъ крестьянскихъ участковъ, строгія мѣры взысканія платежей за пріобрѣтенные участки; пренебреженіе къ нуждамъ и потребностямъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ (отсутствіе надлежащаго обезпеченія на случай увѣчій, инвалидности и старости, неудовлетворительныя жилищныя условія, тяжелыя условія найма т. назыв. арендаторовъ-рабочихъ), всѣ эти мотивы несомнѣнно лежали въ основѣ извѣстныхъ волненій 1905 и 1906 гг., охватившихъ не только тѣ слои сельскаго населенія, которые были обойдены аграрными законами 1849 и 1860 гг., но и крестьянъ-землевладѣльцевъ.

5. Главныя черты аграрныхъ отношеній въ Эстляндской и Курляндской губерніяхъ.

Ходъ развитія аграрныхъ отношеній въ Эстляндской и Курляндской губерніяхъ аналогиченъ съ Лифляндской губерніей. Какъ здѣсь, такъ и въ Эстляндіи и Курляндіи крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости (въ 1816 и 1817 г. г.) *безъ земли*, т. е. безъ признанія за ними права на ту землю, которою они пользовались во время крѣпостной зависимости. Ихъ земля была признана собственностью помѣщиковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ оставались полновластными распорядителями судебъ крестьянъ. Часть послѣднихъ сдѣлалась временными, зависимыми отъ помѣщика арендаторами крестьянскихъ участковъ, бо́льшая же часть составляла разрядъ безземельныхъ крестьянъ, изъ которыхъ пополнялись ряды сельскихъ рабочихъ, нанимаемыхъ какъ дворохозяевами — арендаторами и впослѣдствіи собственниками крестьянскихъ участковъ, — такъ и помѣщиками, послѣдними особенно послѣ перехода отъ издѣльной аренды къ денежной и къ крестьянской поземельной собственности.

Какъ въ Лифляндіи, такъ и въ Эстляндіи и Курляндіи арендные договоры на крестьянскіе участки заключались на основаніи такъ наз. *свободнаго договора* или «добровольныхъ» соглашеній между помѣщикомъ и арендаторомъ, причемъ опредѣленіе размѣра арендныхъ повинностей зависѣло отъ усмотрѣнія помѣщика, что обусловливало собою экономическую зависимость арендатора отъ арендодателя. Тотъ же принципъ свободнаго договора былъ сохраненъ также при переходѣ арендныхъ участковъ въ крестьянскую собственность, въ виду чего опредѣленіе размѣра покупной суммы и другихъ условій продажи зависѣло отъ усмотрѣнія помѣщика.

Въ *Эстляндской губерніи* и на островѣ *Эзель* мы находимъ также институтъ *шестидольной земли*, соотвѣтсвующій лифляндской квотѣ, что обозначаетъ уменьшеніе общей площади крестьянской земли вслѣдствіе присоединенія части ея къ мызнымъ угодіямъ. Но въ Эстляндской губерніи, въ различіе отъ Лифляндской и Курляндской, натуральныя повинности, въ томъ числѣ и дорожная, распредѣлены съ 1856 г. равномѣрно между крестьянскою, мызною и шестидольною землею, согласно оцѣночной ихъ стоимости; лишь подводная повинность возложена, какъ въ Лифляндіи и Курляндіи, на однихъ крестьянъ. Хотя такимъ образомъ дорожная повинность въ Эстляндіи распредѣлена равномѣрно между отдѣльными разрядами земель, но фактически крестьяне обложены ею гораздо сильнѣе, чѣмъ помѣщики, потому что распредѣленіе повинности основано на произведенной дворянствомъ земельной оцѣнкѣ, согласно которой крестьянская земля оцѣнена приблизительно вдвое выше, чѣмъ мызная земля.

Въ общемъ положеніе крестьянъ въ Эстляндіи тяжелѣе, чѣмъ въ Лифляндіи и Курляндіи, что зависитъ не только отъ неплодородности почвы, но и отъ способа распредѣленія земельной площади между крупными и средними землевладѣльцами. Первые занимаютъ 65,78% всей земельной площади губерніи, крестьяне же лишь 34,22%, изъ коихъ больше половины перешло въ крестьянскую собственность.

Казенныхъ имѣній въ Эстляндіи не имѣется и поэтому не имѣется также разряда крестьянъ-хозяевъ, пріобрѣтшихъ свои участки на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ помѣщичьи крестьяне. Переходу земли въ крестьянскую собственность въ прибалтійскихъ губерніяхъ содѣйствовали дворянскія земельныя кредитныя общества, лишь за послѣднія 10 лѣтъ такому переходу содѣйствовалъ также Крестьянскій банкъ, открывшій свои отдѣленія въ Ригѣ, Митавѣ и Ревелѣ.

Въ Эстляндской губерніи охота не является дворянско-вотчиннымъ правомъ и согласно кр. Положенію 1856 г. (§ 203) право охоты и рыбной ловли должно было переходить при продажѣ крестьянскихъ арендныхъ участковъ на новаго собственника. Однако и въ Эстляндіи помѣщики при продажѣ означенныхъ участковъ сохранили за собою исключительное право охоты и рыбной ловли, въ виду чего и здѣсь общій законъ объ охотѣ (отъ 3 февраля 1892 г.) не можетъ примѣняться на тѣхъ крестьянскихъ земляхъ, гдѣ помѣщики сохранили за собою исключительное право охоты. Въ Эстляндской губерніи, какъ и въ Лифляндской, помѣщики включили въ купчіе контракты на крестьянскіе участки также условіе, запрещающее устройство промышленныхъ предпріятій, ограничивая такимъ образомъ частно-правовымъ путемъ способъ пользованія проданными крестьянскими участками.

Въ *Курляндской* губерніи не имѣется категоріи земли, соотвѣтствующей лифляндской квотѣ, но это не значитъ, что крестьянская земля не была присоединена къ мызнымъ полямъ, напротивъ, и здѣсь произошло уменьшеніе общей ея площади. Какъ въ Лифляндіи, такъ и въ Курляндіи натуральныя повинности, въ томъ числѣ и дорожная повинность, распредѣлены весьма неравномѣрно между мызною и крестьянскою землею. Интересно прослѣдить, на чемъ основано распредѣленіе дорожной повинности межру крестьянами и помѣщиками въ Курляндской губерніи.

Курляндскимъ крестьянскимъ положеніемъ 1817 г.[1]) за помѣщикомъ была признана полная собственность на землю,

[1]) „Учрежденіе о курляндскихъ крестьянахъ 25 августа 1817 года.“

„основанная на священныхъ, коренныхъ законахъ“, крестьяне же, становясь „непосредственными подданными государства“, обременялись всѣми государственными личными повинностями, какъ-то: платежомъ податей и подушныхъ денегъ, поставкой рекрутъ и снабженіемъ ихъ всѣмъ нужнымъ, поставкою подводъ для воинскихъ надобностей, воинскимъ постоемъ и пр (ст. 7 и 16 кр. Полож. 1817 г.)[1])

Среди возложенныхъ на крестьянъ повинностей въ оффиціальномъ русскомъ текстѣ кр. Положенія 1817 г. дорожная повинность не упомянута, но она значится въ нѣмецкомъ текстѣ какъ „Wegebesserung“ (исправленіе дорогъ) и фактически была возложена помѣщиками на арендаторовъ крестьянскихъ участковъ. Но такъ какъ рѣшающее значеніе должно быть признано за оффиціальнымъ русскимъ текстомь, то возложеніе на крестьянъ обременительнѣйшей изъ всѣхъ натуральныхъ повинностей едва-ли можно признать законнымъ.

Мѣстнымъ земскимъ правомъ (Сводомъ мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ, прим. къ ст. 1005 III части) опредѣлено, что въ Курляндіи „устройство и содержаніе дорогъ составляетъ обязанность прилежащихъ къ нимъ казенныхъ и частныхъ имѣній“. Другими словами, обязанность устройства и содержанія дорогъ мѣстнымъ правомъ было возложено на помѣщика какъ владѣльца имѣнія, но когда изъ состава имѣній стали выдѣляться крестьянскіе участки для продажи ихъ крестьянамъ, помѣщики условіями купчихъ контрактовъ переложили бремя дорожной повинности на покупателей крестьянскихъ участковъ, между тѣмъ какъ дорожную повинность слѣдовало распредѣлить равномѣрно между мызою и отчуждаемыми участками, пропорціонально ихъ величинѣ или стоимости. 4 апрѣля 1870 г. прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ была утверждена инструкція о починкѣ и ревизіи дорогъ въ Курляндской губерніи, установившая такія же основанія для отбыванія дорожной повинности, какъ въ Лифляндской губерніи. Согласно съ этимъ, и въ Курляндіи наи-

[1]) Относительно взноса казенныхъ податей каждое мірское (волостное) общество отвѣчало за принадлежащихъ къ нему крестьянъ, неспособныхъ къ платежу.

болѣе важныя дороги и дорожныя сооруженія содержатся насчетъ дорожнаго капитала, исправленіе же остальныхъ дорогъ публичнаго характера, раздѣленныхъ на три разряда, составляетъ почти исключительную обязанность крестьянъ-хозяевъ. Итакъ, неравномѣрное распредѣленіе дорожной повинности между крестьянами и помѣщиками не основано ни на аграрномъ законѣ 1817 г., ни на мѣстномъ земскомъ правѣ, а установлено помѣщиками частно-правовымъ путемъ при продажѣ крестьянскихъ участковъ; затѣмъ создавшееся такимъ образомъ положеніе дѣла было подтверждено инструкціей прибалтійскаго генералъ-губернатора, составленной примѣнительно къ правиламъ устава о земскихъ повинностяхъ.

За послѣднее время натуральная дорожная повинность становилась все обременительнѣе не только вслѣдствіе вздорожанія рабочей силы, но и вслѣдствіе усиленія передвиженія и сообщенія, происшедшаго въ связи съ развитіемъ торгово-промышленной жизни. Мѣстами исполненіе дорожной повинности становилось для крестьянъ непосильнымъ, и это положеніе дѣла ухудшилось еще требовательностью дорожныхъ ревизоровъ—чиновъ уѣздной полиціи, которымъ былъ порученъ надзоръ за исправленіемъ дорогъ. Иногда требованія ревизоровъ о дополнительныхъ работахъ фактически не могли быть исполнены въ установленный срокъ, за неисполненіе же работъ въ срокъ производилась опись и продажа имущества крестьянъ, иногда на значительныя суммы, съ тѣмъ, чтобы на вырученныя деньги произвести исправленіе дорогъ. При этомъ опись и продажа производились (съ1910 г.) *административнымъ* порядкомъ и описывался даже инвентарь, необходимый для правильнаго веденія хозяйства, хотя по закону такой инвентарь описи не подлежитъ. Проявляя строгую требовательность, но не обладая надлежащими знаніями относительно исправленія дорогъ, ревизоры иногда принимали нецѣлесообразныя, даже опасныя для проѣзжающихъ мѣры.[1])

[1]) Такою мѣрою слѣдуетъ считать требованіе объ устройствѣ значительной выпуклости по серединѣ дороги, по обѣимъ сторонамъ которой прорыты рвы глубиною въ 3½—4 фута; въ виду этого при встрѣчѣ проѣзжающихъ послѣднимъ грозитъ явная опасность, въ особенности зимою при гололедицѣ.

Дорожными ревизорами были преимущественно нѣмецкіе дворяне, потому что главнымъ образомъ ими замѣщались должности по уѣздной полиціи.

Если благодаря усиліямъ крестьянъ разрядныя дороги и находятся въ хорошемъ состояніи, то другую картину представляютъ собою *проселочныя дороги*, которыхъ имѣется въ 3—4 раза больше разрядныхъ и которыми преимущественно пользуются крестьяне. Эти дороги нерѣдко дѣлаются непроѣзжими, въ особенности весною и осенью во время дождей. Объясняется это тѣмъ, что проселочныя дороги исправляются тѣми лицами, черезъ владѣнія которыхъ онѣ пролегаютъ, причемъ дворо-хозяинъ, черезъ владѣнія котораго ведетъ проселочная дорога сравнительно значительнаго протяженія, не въ силахъ поддержать ее въ исправномъ состояніи. Въ виду этого проселочныя дороги въ отношеніи ихъ исправленія слѣдовало бы приравнивать къ разряднымъ дорогамъ.

Весьма важное значеніе въ развитіи аграрныхъ отношеній Курляндской губерніи имѣли поземельныя правила 6 сентября 1863 года (съ дополненіемъ отъ 18 февраля 1866 г.). Проектъ этихъ правилъ былъ составленъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ на основаніи предположеній курляндскаго дворянства, разсмотрѣнъ въ Остзейскомъ комитетѣ [1]) и представленъ на Высочайшее утвержденіе безъ предварительнаго разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ; подобно лифляндскому крестьянскому Положенію 1849 года, правила 1863 г. были проведены въ видѣ опыта, какъ временная мѣра, но тѣмъ не менѣе они привели къ сокращенію общей площади крестьянскаго землевладѣнія.

Этими правилами курляндскимъ крестьянамъ предоставлялось право пріобрѣтать въ собственность, по добровольному съ помѣщиками соглашенію, крестьянскіе арендные участки; для арендныхъ же контрактовъ былъ установленъ

---

[1]) Остзейскій комитетъ, съ преобладающимъ вліяніемъ въ немъ лицъ принадлежавшихъ къ прибалтійскому нѣмецкому дворянству, оказывалъ послѣднему немаловажныя услуги.

минимальный срокъ въ 12 лѣтъ, были установлены также правила о вознагражденіи арендаторовъ за произведенныя ими улучшенія въ случаѣ удаленія ихъ изъ участка. Но вреднымъ для крестьянскаго землевладѣнія оказался § 18 правилъ 1863 г. Въ этомъ § идетъ рѣчь о вознагражденіи арендатора, если онъ будетъ удаленъ помѣщикомъ изъ участка не для передачи послѣдняго въ аренду или продажи другому лицу, а *для другого употребленія.* Неопредѣленность послѣднихъ словъ и была использована помѣщиками въ цѣляхъ произвольнаго уничтоженія многихъ крестьянскихъ дворовъ и присоединенія ихъ къ мызнымъ полямъ. На такое уничтоженіе крестьянскаго землевладѣнія было обращено вниманіе правительственной власти, по требованію которой курляндское дворянство было вынуждено разъяснить [1]), что „отнынѣ не должны быть удерживаемы помѣщиками за собою находящіеся въ арендѣ за деньги и за издѣльную повинность участки, подлежащіе дѣйствію правилъ 6 сентября 1863 г.“ Другими словами, помѣщикамъ было предложено не присоединять болѣе крестьянскихъ участковъ къ мызнымъ полямъ. Такое предложеніе, конечно, не могло оказывать должнаго воздѣйствія на помѣщиковъ, тѣмъ болѣе, что никакихъ карательныхъ мѣръ на случай его неисполненія не было установлено. Дореформенные уѣздные суды обязаны были наблюдать лишь за тѣмъ, чтобы никакихъ противныхъ предложенной мѣрѣ дѣйствій предпринимаемо не было; притомъ означенные суды должны были исполнять поступающія къ нимъ требованія мѣстныхъ уѣздныхъ предводителей дворянства для немедленнаго отвращенія могущихъ оказаться злоупотребленій. Такимъ образомъ, надъ дѣйствіями помѣщиковъ по данному вопросу должны были наблюдать административно-судебныя учрежденія съ преобладающимъ значеніемъ въ нихъ нѣмецкихъ дворянъ, и уѣздные предводители дворянства, избираемые дворянами же изъ своей среды. — Запрещеніе присоединить крестьян-

[1]) Циркулярное предписаніе б. Комиссіи по дѣламъ Положенія о курл. кр., отъ 4 марта 1867 г. за № 62.

скіе участки къ мызнымъ полямъ помѣщики обходили тѣмъ что вели на крестьянскихъ участкахъ собственное хозяйство, не сдавая ихъ въ аренду. Это видно изъ предписанія б. прибалтійскаго генералъ-губернатора (отъ 13 октября 1867 г. за № 379), коимъ запрещалось продолжительное управленіе свободнымъ арендным участкомъ со стороны самого помѣщика, „такъ какъ это было-бы тѣмъ-же самымъ что удержаніе участка за собою"; поэтому былъ установленъ максимальный срокъ въ 3 года для непосредственнаго управленія участкомъ со стороны помѣщика. Но и это предписаніе очевидно не помогло; понадобилось еще предписаніе Комиссіи по дѣламъ Положенія о курл. кр. (отъ 20 ноября 1868 г.) о томъ, что „арендные участки, которые по истеченіи трехлѣтняго срока, установленнаго для непосредственнаго со стороны помѣщика управленія, не будутъ отданы въ аренду или проданы, должны быть сдаваемы мѣстнымъ уѣзднымъ судомъ въ аренду съ публичныхъ торговъ."

Знаменательно также, что курляндское дворянство, предлагая помѣщикамъ (въ своемъ разъясненіи отъ 4 марта 1867 г.) не присоединять крестьянскихъ участковъ, дѣлаетъ весьма важную оговорку: „такое ограниченіе помѣщичьихъ правъ, заявляетъ оно, . . . прекращается съ выбытіемъ крестьянскихъ арендныхъ участковъ изъ собственности помѣщиковъ и съ пріобрѣтеніемъ ихъ арендаторами въ собственность". . . Т. е., помѣщикамъ предоставляется право пріобрѣтать перешедшіе въ крестьянскую собственность крестьянскіе участки съ тѣмъ, чтобы присоединить ихъ къ мызнымъ полямъ. Эту оговорку курляндское дворянство обосновываетъ тѣмъ, что въ Курляндской губерніи по закону не существуетъ „крестьянской земли", т. е. особой категоріи земли, предназначенной закономъ для исключительнаго пользованія крестьянъ. Видно, что курляндское дворянство позаботилось о томъ, чтобы сохранить за помѣщиками возможность увеличивать свои владѣнія насчетъ крестьянской земли, несмотря на то, что первыя достигаютъ иногда весьма значительныхъ размѣровъ.

Курляндская губернія, по исчисленію Стрѣльбицкаго, занимаетъ пространство въ 23.751,2 кв. верстъ (безъ значительныхъ внутреннихъ водъ). Эта площадь распредѣлена между отдѣльными категоріями владѣльцевъ слѣдующимъ образомъ (цифровыя данныя взяты изъ книги М. Н. Степанова: Землевладѣніе и землепользованіе въ Курляндской губерніи. Митава, 1909 г.):

1) земли, принадлежащія казнѣ и состоящія въ вѣдѣніи министерства земледѣлія, всего 454.198 дес., въ томъ числѣ 389.688 дес. лѣса;
2) частныя имѣнія, принадлежащія помѣщикамъ, всего 1.029.377,26 дес.;
3) во владѣніи крестьянъ находится 912.010 дес.;
4) пасторатскія земли, всего 28.668 дес.;
5) земли городовъ и мѣстечекъ, всего 6.442 дес.;
6) имѣнія, отведенныя въ пользованіе различныхъ учрежденій, всего 4.126 дес.

Итого 2.434.822 дес., въ томъ числѣ 836.093 дес. лѣсной площади.

Въ % отношеніи земля распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 41,6% находится въ частной собственности, 38,1% въ крестьянской и 20,3% составляетъ государственныя имущества и земли, принадлежащія церкви и различнымъ учрежденіямъ.

Частныя имѣнія представляютъ собою обширныя владѣнія, средняя величина коихъ равняется 1800 дес. Частныхъ имѣній имѣется всего 569, изъ коихъ 293 обнимаютъ площади размѣромъ до 1000 дес., между тѣмъ какъ 276 имѣній имѣютъ площадь свыше 1000 дес.

Крупныя имѣнія распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

отъ 1000—2000 дес.	. .	130 имѣній
„ 2000—4000 „	. .	91 „
„ 4000—6000 „	. .	29 „
свыше 6000 „	. .	26 „
Всего	. . .	276 крупныхъ имѣній.

Изъ 26 имѣній свыше 6000 дес. наиболѣе крупными являются 9 имѣній съ слѣдующимъ количествомъ десятинъ: 11.747 — 13.166 — 15.065 — 15.200 — 15.400 (фидейкомиссъ) — 18.519 (маіоратъ) — 20.040 (фид.) — 46.597 (фид.) — 63.182 (фид.). Итого 9 курляндскимъ дворянскимъ семействамъ принадлежитъ 218.916 дес. земли, что составляетъ больше 1/10 части всей площади Курляндской губерніи.

133 частныхъ имѣній съ 424.649 дес. земли представляютъ собою маіораты и фидейкомиссы (41,2% общей площади всѣхъ частныхъ имѣній).

Крестьянскихъ участковъ (дворовъ) въ Курляндіи имѣется 28.281. Средняя величина участковъ составляетъ 32 дес., наибольшее же число крестьянскихъ дворовъ имѣютъ размѣры отъ 30—40 и отъ 40—50 дес.

Кромѣ проданныхъ уже крестьянскихъ дворовъ, въ частныхъ имѣніяхъ извѣстное число ихъ находится еще въ арендномъ содержаніи.

Мелкіе участки, отъ 1—10 дес., являются бобыльскими и солдатскими участками (на казенныхъ земляхъ); ихъ имѣется: 6.210 бобыльскихъ участковъ съ площадью въ среднемъ около 3,66 дес., и 1.284 солдатскихъ участка съ площадью въ среднемъ 1,27 дес. Участки этихъ размѣровъ недостаточны для обезпеченія существованія ихъ владѣльцевъ, притомъ вслѣдствіе неудобнаго ихъ расположенія владѣльцы ихъ едва ли имѣютъ возможность получать по близости подходящую постороннюю работу.

Главный недостатокъ аграрнаго строя Курляндіи и вообще Прибалтійскаго края состоитъ въ отсутствіи надлежаще устроеннаго *мелкаго землевладѣнія* (громадное большинство крестьянскихъ усадебъ принадлежитъ къ типу *средняго* землевладѣнія).

6. Попытки реформъ.

Что привилегированное положеніе нѣмецкаго дворянства, возникшее на почвѣ крѣпостного права и сохранившееся въ нѣкоторыхъ отрасляхъ общественной жизни до сихъ поръ,

не соотвѣтствуетъ теперешнимъ условіямъ жизни, ясно само собою. Значительная часть земли перешла въ руки крестьянъ, достигшихъ извѣстной степени образованія и сумѣвшихъ довольно высоко поднять сельско-хозяйственную культуру. Крестьянское населеніе не можетъ не чувствовать несправедливости дворянскихъ аграрныхъ привилегій, въ особенности неравномѣрнаго распредѣленія повинностей; оно не можетъ примириться ни съ устраненіемъ его отъ завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ, ни съ руководящею ролью нѣмецкаго дворянства въ вопросахъ евангелическо-лютеранской церкви.

Необходимость реформъ была сознана давно, но до сихъ поръ попытки къ ихъ проведенію въ жизнь не привели къ желательнымъ результатамъ. Въ *аграрномъ* дѣлѣ необходимость измѣненія способа отбыванія натуральныхъ повинностей, въ особенности дорожной, распредѣленной такъ неравномѣрно между мызною и крестьянскою землею въ Лифляндской и Курляндской губерніяхъ, не отрицается даже нѣмецкимъ дворянствомъ, которое однако старалось откладывать эту реформу, ссылаясь на необходимость предварительной оцѣнки недвижимыхъ имуществъ для обложенія ихъ общественнымп повинностями. Относительно Курляндской губерніи приведенный мотивъ неоснователенъ, такъ какъ оцѣнка земель для обложенія ихъ земскими сборами была произведена здѣсь въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія (правда, крестьянская земля оцѣнена здѣсь значительно выше, чѣмъ мызная), въ Лифляндской же губерніи оцѣнка земельныхъ и другихъ недвижимыхъ имуществъ, для обложенія ихъ земскими сборами, окончена въ 1910 г. — Еще въ 1888 г. лифляндскій ландтагъ (губернское собраніе дворянства) принципіально призналъ, что лежащее на крестьянахъ бремя дорожной повинности слѣдуетъ безотлагательно облегчить, но „принципъ“ такъ и остался принципомъ до сихъ поръ, безъ практическихъ послѣдствій. Острый вопросъ о дорожной повинности вновь былъ поставленъ на очередь въ 1905 г., когда лифляндское губернское правленіе обратилось въ ландрат-

скую коллегію (органъ дворянства) съ указаніемъ на необходимость упорядоченія дорожной повинности, не дожидая даже окончанія работъ по оцѣнкѣ недвижимостей. Въ 1906 г. въ особомъ совѣщаніи при временномъ прибалтійскомъ генералъ-губернаторѣ представители нѣмецкаго дворянства признали необходимость упорядоченія дорожнаго дѣла, но по практическимъ соображеніямъ предложили отложить этотъ вопросъ до окончанія оцѣнки недвижимостей. На основаніи постановленія ландтага 1906 г. ландратскою коллегіею были выработаны правила о преобразованіи дорожной и другихъ натуральныхъ повинностей. Правила эти, напечатанныя въ особой брошюрѣ, сводятся къ слѣдующему. *Дорожная повинность*, оставаясь натуральною повинностью, подлежитъ распредѣленію между владѣльцами мызной и крестьянской земли соразмѣрно съ оцѣнкою ихъ недвижимостей по закону отъ 4 іюня 1901 г., причемъ за отбываніе повинности землевладѣльцы получаютъ вознагражденіе изъ земской кассы въ размѣрѣ, опредѣляемомъ ландтагомъ. На такихъ же основаніяхъ распредѣляется *подводная повинность*, съ выдачею отбывающимъ ее владѣльцамъ мызной и крестьянской земли вознагражденія въ размѣрѣ, опредѣляемомъ на каждое трехлѣтіе лифляндскимъ губернскимъ правленіемъ по соглашенію съ ландратскою коллегіею. *Этапная повинность* въ теперешнемъ ея видѣ отмѣняется, причемъ обязанности по этой повинности переходятъ къ уѣздной и волостной полиціи, расходы которыхъ по исполненію повинности возмѣщаются изъ земской кассы. *Почтово-строительная* и *почтово-фуражная повинности* (для содержанія конно-почтовыхъ станцій), равнымъ образомъ *приходскія натуральныя повинности* (за исключеніемъ дорожной) превращаются въ денежные платежи, съ распредѣленіемъ ихъ межу плательщиками губернскихъ земскихъ сборовъ — владѣльцами недвижимыхъ имуществъ, оцѣненныхъ по закону отъ 4 іюня 1901 г. Всѣ эти правила однако остались неосуществленными.

Въ виду такого положенія дѣла представителями крестьянскаго населенія Курляндской и Лифляндской губерній

было внесено въ маѣ мѣсяцѣ 1913 г. въ Государственную Думу подписанное 102 членами Думы законодательное предположеніе о реорганизаціи дорожной повинности въ названныхъ губерніяхъ; въ 1914 г. Государственною Думою была признана желательность этого предположенія съ дополненіемъ, что натуральную дорожную повинность слѣдуетъ переложить на денежные платежи, министерство же согласилось принять на себя выработку соотвѣтственнаго законопроекта.

Дворянско-вотчинныя права или *привилегіи*, предоставляющія помѣщикамъ большія матеріальныя выгоды, нѣмецкое дворянство всѣми силами старается сохранить за собою. Мы уже видѣли, съ какимъ усердіемъ представители означеннаго дворянства въ Государственномъ Совѣтѣ оспаривали примѣненіе къ Прибалтійскому краю той статьи законопроекта о борьбѣ съ пьянствомъ, которая предоставляетъ крестьянскимъ волостнымъ обществамъ право сдѣлать постановленія о закрытіи питейныхъ заведеній, расположенныхъ на мызной землѣ. Не желаетъ нѣмецкое дворянство разстаться также съ привилегіей охоты. Когда въ 1913 г. въ комиссіи Государственной Думы обсуждался законопроектъ объ охотѣ, представители нѣмецкаго дворянства отстаивали исключительное право охоты помѣщиковъ на крестьянскихъ земляхъ, забывая, что несправедливость ограниченія права пользованія проданною крестьянскою землею была признана самимъ нѣмецкимъ дворянствомъ при предварительномъ обсужденіи проектовъ реформъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію въ особомъ совѣщаніи при временномъ прибалтійскомъ генералъ-губернаторѣ (ср. протоколъ засѣданія курляндской подготовительной комиссіи отъ 9 января 1907 г.).

Впрочемъ, въ 1907 г. въ особомъ совѣщаніи при временномъ генералъ-губернаторѣ представители лифляндскаго дворянства согласились на отмѣну дворянско-вотчинныхъ правъ, предусмотрѣнныхъ ст. 883 Свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ, но они потребовали нѣкоторыхъ компенсацій: 1) соотвѣтствующаго вознагражденія за убытки отъ прекращенія права питейной продажи, и 2) отмѣны огра-

ничительныхъ постановленій крестьянскаго Положенія 1860 г. (ст. 97—118) о способѣ пользованія крестьянскими участками повинностной земли, съ примѣненіемъ этой мѣры (т. е. отмѣны) къ отчужденной уже повинностной землѣ. Какое значеніе имѣютъ эти компенсаціи, требуемыя лифляндскимъ дворянствомъ? Первою компенсаціею лифляндское дворянство, ободренное полученнымъ вознагражденіемъ за отмѣну дворянско-вотчиннаго права продажи хлѣбнаго вина, желаетъ обезпечить себѣ милліонныя суммы за отмѣну привилегіи пивоваренія и продажи пива; второю же компенсаціею оно стремится обезпечить себѣ возможность сохраненія своего преобладающаго значенія въ соціально-политическомъ отношеніи.

Какъ извѣстно, въ пользу крестьянскаго землевладѣнія кр. Положеніемъ 1860 г. установлены нѣкоторыя защитительныя мѣры. Такъ, по общему правилу, помѣщикъ не вправѣ пользоваться повинностною землею иначе, какъ посредствомъ отдачи оной въ арендное содержаніе или продажи членамъ крестьянскихъ волостныхъ обществъ (ст. 101). Помѣщикъ также не вправѣ пріобрѣтать отчужденные кр. участки *своего* имѣнія, если же онъ купитъ кр. участокъ *чужого* имѣнія, то онъ не вправѣ пользоваться имъ непосредственно, — онъ можетъ пользоваться имъ лишь на общемъ основаніи, путемъ отдачи участка въ аренду или продажи членамъ крестьянскаго волостного общества (прим. къ ст. 55 кр. Полож. 1860 г.). Теперь же лифляндское дворянство требуетъ, чтобы эти ограничительныя постановленія закона о способѣ пользованія кр. участками повинностной земли были отмѣнены (ограниченіе осталось бы въ силѣ лишь по отношенію къ неотчужденнымъ еще участкамъ). Въ такомъ случаѣ помѣщикъ получилъ бы право пріобрѣтать отъ крестьянъ-собственниковъ путемъ покупки ихъ поземельные участки съ тѣмъ, чтобы пользоваться ими по своему усмотрѣнію. Такіе участки онъ могъ бы присоединить къ мызнымъ полямъ, образовать изъ нихъ мызные фольварки или же сдавать въ арендное содержаніе. Это привело бы къ расширенію крупнаго землевладѣнія насчетъ средняго и увеличило бы экономическую силу дворянства.

Лифляндское дворянство требуетъ также отмѣны установленнаго для крестьянскихъ участковъ минимальнаго размѣра въ 10 талеровъ (прибл. 25 десятинъ.)[1]) Согласно дѣйствующему закону, крестьянинъ-собственникъ вправѣ дробить свой участокъ и можетъ части его продавать или сдавать въ аренду; равнымъ образомъ при переходѣ участка по наслѣдству таковой можетъ быть раздробленъ наслѣдниками на доли, но во всѣхъ случаяхъ дробленія должно быть соблюдаемо правило о минимальномъ размѣрѣ, такъ какъ отдѣльныя доли участка должны быть не менѣе 10 талеровъ. Въ случаѣ уменьшенія этой минимальной нормы крестьянскихъ участковъ, разумѣется, было бы значительно облегчено образованіе на повинностной землѣ, изъ состава крестьянкихъ дворовъ, мелкихъ участковъ, сдаваемыхъ въ аренду или отчуждаемыхъ безземельнымъ крестьянамъ. Мелкаго землевладѣнія въ Прибалтійскомъ краѣ почти не имѣется (что составляетъ крупный недостатокъ здѣшняго аграрнаго строя), и лифляндское дворянство стремится создавать таковое на крестьянской землѣ.

Такимъ образомъ среднее крестьянское землевладѣніе, составляющее въ настоящее время сильный противовѣсъ крупному помѣщичью, подвергалось бы измѣненію съ двухъ сторонъ: часть крестьянскихъ дворовъ перешла бы въ составъ крупныхъ помѣщичьихъ владѣній, а остальная часть уменьшилась бы въ своемъ составѣ вслѣдствіе образованія мелкихъ участковъ. Въ результатѣ получилось бы преобладаніе крупнаго землевладѣнія надъ среднимъ и мелкимъ со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями экономическаго и соціально-политическаго характера (однимъ изъ такихъ послѣдствій повидимому было бы преобладающее значеніе дворянства въ ожидаемыхъ земскихъ учрежденіяхъ). Къ этому и стремится лифляндское дворянство, требуя выше-

[1]) Талеръ — мѣра земельной доходности при старинной шведской системѣ земельной оцѣнки, примѣнявшейся въ Лифляндской губерніи; въ зависимости отъ качества почвы, талеръ обнимаетъ различныя пространства, но въ среднемъ онъ равняется $2^1/_2$ десятинамъ.

указанной компенсаціи за отмѣну дворянско-вотчинныхъ правъ, этихъ сохранившихся до сихъ поръ пережитковъ старины. Поэтому постановленіе кр. Положенія (прим. къ ст. 55), предсуматривающее опредѣленный способъ пользованія со стороны помѣщика пріобрѣтенными имъ кр. участками чужого имѣнія, слѣдовало бы сохранить въ силѣ, видоизмѣняя таковое лишь въ томъ смыслѣ, что такіе участки, по присоединеніи ихъ къ своему имѣнію (т. е. по включеніи ихъ въ составъ повинностной земли своего имѣнія), помѣщикъ обязанъ отчуждать членамъ крестьянскихъ волостныхъ обществъ, на основаніяхъ обязательнаго выкупа.

Примѣчаніе. Вправѣ ли помѣщикъ пріобрѣсти отчужденные крестьянскіе участки повинностной земли *своего* имѣнія? Никакихъ указаній на такое право въ кр. Положеніи 1860 г. не имѣется. Изъ словъ же примѣч. къ ст. 55 означеннаго Положенія о томъ, что „владѣлецъ дворянскаго имѣнія вправѣ, не вступая въ волостной союзъ, купить крестьянскій участокъ, но не для непосредственнаго пользованія онымъ, а лишь для присоединенія его къ крестьянской землѣ своего имѣнія и для отдачи его въ аренду крестьянамъ на общемъ основаніи,“ слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что помѣщикъ вправѣ пріобрѣсти крестьянскіе участки повинностной земли *чужого* имѣнія, но не для непосредственнаго пользованія ими, а для присоединенія ихъ къ повинностной землѣ *своего* имѣнія и для пользованія ими на общемъ основаніи. Такой выводъ подтверждается словами прим. къ ст. 226: „Если крестьянскій участокъ купленъ помѣщикомъ собственно для присоединенія его къ своему имѣнію, то купчій контрактъ долженъ быть укрѣпленъ въ гофгерихтѣ“ (теперь въ Крѣпостномъ отдѣленіи). Несомнѣнно, что въ этомъ прим. рѣчь идетъ о покупкѣ помѣщикомъ крестьянскаго участка *чужого* имѣнія, и весьма вѣроятнымъ становится предположеніе, что по смыслу кр. Положенія 1860 г. помѣщикъ не вправѣ купить отчужденные участки повинностной земли собственнаго имѣнія. Лифляндское

же дворянство стремится получить такое право путемъ отмѣны т. наз. „красной черты“, т. е. путемъ уравненія, въ правовомъ отношеніи, крестьянской и мызной земли.

Въ цѣляхъ развитія мелкаго землевладѣнія, конечно, слѣдуетъ измѣнить или, можетъ быть, отмѣнить постановленіе о минимальномъ размѣрѣ крестьянскихъ участковъ, но не слѣдуетъ забывать, что мелкое землевладѣніе въ краѣ должно развиваться не исключительно насчетъ *средняго*, но и насчетъ *крупнаго* землевладѣнія. Поэтому, измѣняя постановленіе о минимальномъ размѣрѣ крестьянскихъ участковъ, необходимо предпринять также мѣры, содѣйствующія возникиовенію мелкаго землевладѣнія на *помѣщичьихъ* земляхъ. Къ сожалѣнію, нѣмецкимъ дворянствомъ путемъ учрежденія фидейкомиссовъ проводится мѣра, препятствующая возникновенію мелкихъ участковъ на мызной землѣ (учрежденіе фидейкомиссовъ было за послѣднее время сильно распространено въ Курляндской губерніи, гдѣ уже къ 1912 г. 1/4 часть всѣхъ дворянскихъ вотчинъ была фидейкомиссами или маіорами и гдѣ фидейкомиссы и маіораты уже въ 1909 г. составляли 41,2% общей площади всѣхъ частныхъ имѣній). Поэтому наряду съ мѣропріятіями, содѣйствующими возникновенію мелкаго землевладѣнія, слѣдовало бы запретить образованіе фидейкомиссовъ, при помощи коихъ немногочисленное, но могущественное нѣмецкое дворянство, сосредоточившее въ своихъ рукахъ обширныя владѣнія, стремится навсегда закрѣпить ихъ за дворянскими родами, препятствуя такимъ образомъ земельной мобилизаціи въ ущербъ всему благу края.

По вопросу объ отмѣнѣ дворянскихъ привилегій слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующіе шаги въ этомъ направленіи.

Осенью 1915 г. было внесено въ Гос. Думу подписанное 205 членами Думы законодательное предположеніе объ отмѣнѣ дворянскихъ привилегій. Въ январѣ же 1916 г. было открыто, подъ предсѣдательствомъ товарища министра юстиціи Веревкина, особое междувѣдомственное совѣщаніе для обсужденія вопроса объ отмѣнѣ привилегій прибалтій-

скаго дворянства, причемъ въ основу совѣщаній должно было быть положено соотвѣтствующее законодательное предположеніе 205 членовъ Государственной Думы. Этимъ совѣщаніемъ и былъ выработанъ законопроектъ, подлежащій разсмотрѣнію въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Согласно проекту, всѣ существовавшія до сихъ поръ дворянско-вотчинныя права подлежатъ отмѣнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣняются также всѣ установленныя частно-правовымъ путемъ, при заключеніи купчихъ контрактовъ, ограниченія права пользованія проданною помѣщиками землею, хотя бы эти ограниченія были внесены въ крѣпостныя книги съ оговоркою, что они сохраняютъ свою силу даже въ томъ случаѣ, если предусмотрѣнныя мѣстнымъ земскимъ правомъ дворянско-вотчинныя права будутъ отмѣнены. Согласно проекту совѣщанія товарища министра юстиціи Веревкина, привилегіи прибалтійскаго дворянства подлежатъ отмѣнѣ безъ какого либо особаго вознагражденія.

По вопросу о вознагражденіи за отмѣну дворянскихъ привилегій министромъ юстиціи Хвостовымъ было высказано мнѣніе, что выдача вознагражденія необходима при отмѣнѣ дворянскихъ привилегій рыбной ловли и охоты, потому что эти привилегіи будто бы являются сервитутами, основанными на добровольномъ соглашеніи между помѣщиками и крестьянами. Этотъ взглядъ нельзя признать правильнымъ, потому что купчіе контракты на проданные крестьянскіе участки едва-ли можно признать основанными на свободномъ договорѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова — вѣдь всѣ условія договора зависѣли отъ воли помѣщика, на сторонѣ котораго находилась вся экономическая сила. Независимо сего, дворянскія привилегіи нельзя считать сервитутами также по чисто-формальнымъ соображеніямъ. Согласно мѣстному земскому праву (ст. 1251 Св. м. уз. губ. остз., ч. III), сервитуты установляются: 1) закономъ, 2) приговоромъ суда о раздѣлѣ и 3) распоряженіями частныхъ лицъ, выраженными или въ договорѣ, или въ одностороннемъ изъявленіи воли, а именно посредствомъ завѣщанія. Итакъ,

если предположить, что дворянскія привилегіи являются сервитутами, то онѣ могли бы быть установлены или закономъ или договоромъ между помѣщикомъ и крестьяниномъ, т. е. условіями купчихъ контрактовъ на крестьянскіе участки. Послѣднее предположеніе отпадаетъ само собою, если принять во вниманіе, что крестьяне, пріобрѣтающіе отъ помѣщика поземельные участки, вовсе не имѣли такихъ правъ, участіе въ которыхъ они могли бы предоставить помѣщику, — вѣдь во время продажи крестьянскихъ участковъ право охоты составляло (и составляетъ теперь) *исключительное* право помѣщика. Но, можетъ быть, дворянскія привилегіи слѣдуетъ считать сервитутами потому, что онѣ предусмотрѣны закономъ — мѣстнымъ земскимъ правомъ? Для такого предположенія не имѣется никакихъ основаній, потому что мѣстнымъ земскимъ правомъ, основаннымъ на старинныхъ актахъ или на обычномъ правѣ, не устанавливается взгляда на дворянскія привилегіи какъ на сервитуты. Независимо сего, если дворянскую привилегію охоты считать сервитутомъ, то изъ этого слѣдуетъ, что и крестьяне — владѣльцы крестьянскихъ участковъ — должны пользоваться въ предѣлахъ своихъ владѣній правомъ охоты, между тѣмъ у нихъ этого права не имѣется.

Слѣдуетъ указать, что также вопросъ о квотныхъ и шестидольныхъ земляхъ поставленъ на очередь. Въ 1909 г было внесено барономъ Мейендорфомъ въ III Государственную Думу законодательное предположеніе, подписанное 34 депутатами, о дополненіи 2 ст. Высочайшаго указа 18 февраля 1893 г. Этимъ законодательнымъ предположеніемъ предлагается отмѣнить ту часть закона 1893 г., которою помѣщикамъ запрещается продажа квотныхъ и шестидольныхъ земель болѣе крупными сельско-хозяйственными единицами. Та же часть закона, которою пріостановлено производство по дѣламъ о неправильномъ присоединеніи квоты и шестой доли, должна остаться въ силѣ. Въ случаѣ осуществленія этого проекта помѣщики, не стѣсняемые означеннымъ производствомъ, получили бы возможность безпрепятственно про-

давать квотныя и шестидольныя земли. Быстрою продажею ихъ они могли бы ликвидировать квотный вопросъ согласно со своими интересами. Такимъ образомъ законъ 1893 г. не только терялъ бы для нихъ свое значеніе, но оказался бы даже выгоднымъ, потому что лишилъ бы крестьянскія волостныя общества возможности возбуждать дѣла о неправильномъ присоединеніи квоты. Требованіе указа 1893 г. объ обращеніи квоты къ законному ея назначенію оказалось бы фактически отмѣненнымъ.

Правительственная власть отнеслась отрицательно къ подобному проекту. Министерство внутреннихъ дѣлъ (по земскому отдѣлу) заявило, что правительство, допустивъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія сокращеніе пространства крестьянской земли отрѣзкою отъ послѣдней нѣкоторыхъ ея частей (квоты и шестой доли), имѣло въ виду обезпечить этимъ путемъ бытъ мѣстныхъ батраковъ, которые при существованіи барщины получали незначительные участки при арендныхъ участкахъ крестьянъ-хозяевъ, но послѣ прекращенія барщинныхъ отношеній и съ введеніемъ взамѣнъ ихъ денежной аренды, устранялись отъ сего пользованія. Однако цѣль правительства осталась практически не осуществленною, такъ какъ эта цѣль въ Положеніи о крестьянахъ Лифляндской губерніи 13 ноября 1860 г. вовсе не выражена, а въ Положеніи о крестьянахъ Эстляндской губ. 5 іюля 1856 г. и въ Правилахъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ о. Эзеля 19 февраля 1865 г. высказана весьма неопредѣленно.

Кромѣ законодательнаго предположенія барона Мейендорфа, въ III Государственную Думу было внесено также законодательное предположеніе представителей эстонскаго, а въ IV — латышскаго населенія, но вопросъ о квотныхъ и шестидольныхъ земляхъ законодательнымъ порядкомъ еще не разрѣшенъ.

Нельзя не указать на этомъ мѣстѣ еще на нѣкоторыя другія наиболѣе необходимыя мѣры по аграрному дѣлу въ Прибалтійскомъ краѣ. Сюда относится *отчужденіе непро*

данныхъ еще помѣщиками арендныхъ участковъ какъ крестьянской, такъ и мызной земли. При отчужденіи означенныхъ участковъ необходимо законодательнымъ порядкомъ установить какъ *срокъ* продажи, такъ и *условія отчужденія*, въ особенности основанія для опредѣленія покупной цѣны. Другими словами, отчужденіе должно совершиться не путемъ „свободнаго договора“ или „добровольныхъ соглашеній“ между продавцомъ и покупателемъ, а посредствомъ обязательнаго выкупа, потому что при примѣненіи принципа свободнаго договора покупатель ставится на продолжительное время въ экономическую зависимость отъ продавца, не говоря о возможности его разоренія, если покупная сумма окажется преувеличенной. На основаніяхъ обязательнаго выкупа слѣдуетъ отчуждать также *крестьянскіе участки пасторатовъ.*

Необходимо также разслѣдованіе правительственною властью вопроса о *незаконно присоединенной къ мызнымъ полямъ крестьянской землѣ*, съ цѣлью возвращенія таковой въ составъ крестьянскаго землевладѣнія.

Особаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о мѣрахъ, содѣйствующихъ возникновенію въ Прибалтійскомъ краѣ *мелкаго землевладѣнія.* Послѣдствія пренебрежительнаго отношенія прибалтійскихъ аграрныхъ законовъ къ нуждамъ и потребностямъ многочисленнаго безземельнаго населенія давали себя чувствовать за послѣднее время съ особенною силой. Уходомъ безземельныхъ крестьянъ въ города, во внутреннія губерніи или эмиграціей въ Америку былъ вызванъ недостатокъ въ сельско-хозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ, грозящій весьма серьезными послѣдствіями какъ для помѣщичьихъ, такъ и для крестьянскихъ хозяйствъ. Означенный уходъ въ свою очередь былъ вызванъ не только болѣе общею причиною — развитіемъ промышленности въ городскихъ центрахъ, привлекающихъ къ себѣ рабочую силу изъ деревни, но и факторами мѣстнаго значенія — неприглядными условіяма жизни безземельныхъ крестьянъ и обезземеленіемъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и бобылей, терявшихъ въ Лифляндіи въ силу аграрнаго закона 1849 г. обрабатываемые

ими небольшіе участки земли изъ состава крестьянскихъ дворовъ. Въ виду этого, наряду съ другими мѣрами, самою жизнью выдвигается важная и неотложная задача содѣйствовать возникновенію въ Прибалтійскомъ краѣ мелкаго землевладѣнія, долженствующаго обезпечить по возможности безземельную часть крестьянскаго населенія.

Итакъ, по аграрному вопросу въ Прибалтійскомъ краѣ необходимы слѣдующія наиболѣе важныя мѣры:

1) уравненіе земель всѣхъ наименованій въ отношеніи отбыванія общественныхъ повинностей;

2) отмѣна дворянско-вочинныхъ правъ или привилегій;

3) отмѣна установленныхъ частно-правовымъ путемъ — условіями купчихъ договоровъ — ограниченій права пользованія отчужденными крестьянскими участками;

4) отчужденіе, на основаніяхъ обязательнаго выкупа, непроданныхъ еще помѣщиками арендныхъ участковъ крестьянской и мызной земли, а равнымъ образомъ крестьянскихъ участковъ пасторатовъ;

5) содѣйствіе мѣрамъ къ подъему сельско-хозяйственной культуры (развитіе учрежденій поземельнаго, меліоративнаго и мелкаго кредита, учрежденіе низшихъ и среднихъ сельско-хозяйственныхъ училищъ и т. д.);

6) разрѣшеніе вопроса о квотныхъ и шестидольныхъ земляхъ въ смыслѣ, соотвѣтствующемъ законному назначенію сихъ земель;

7) разрѣшеніе вопроса о незаконно присоединенной къ мызнымъ полямъ крестьянской землѣ;

8) улучшеніе быта сельско-хозяйственныхъ рабочихъ путемъ обезпеченія ихъ на случай увѣчій, инвалидности и старости, устройства подходящихъ квартиръ и т. д.

9) поземельное устройство безземельной части крестьянскаго населенія принятіемъ мѣръ, содѣйствующихъ возникновенію мелкаго землевладѣнія.

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

Дозволено военною цензурою.